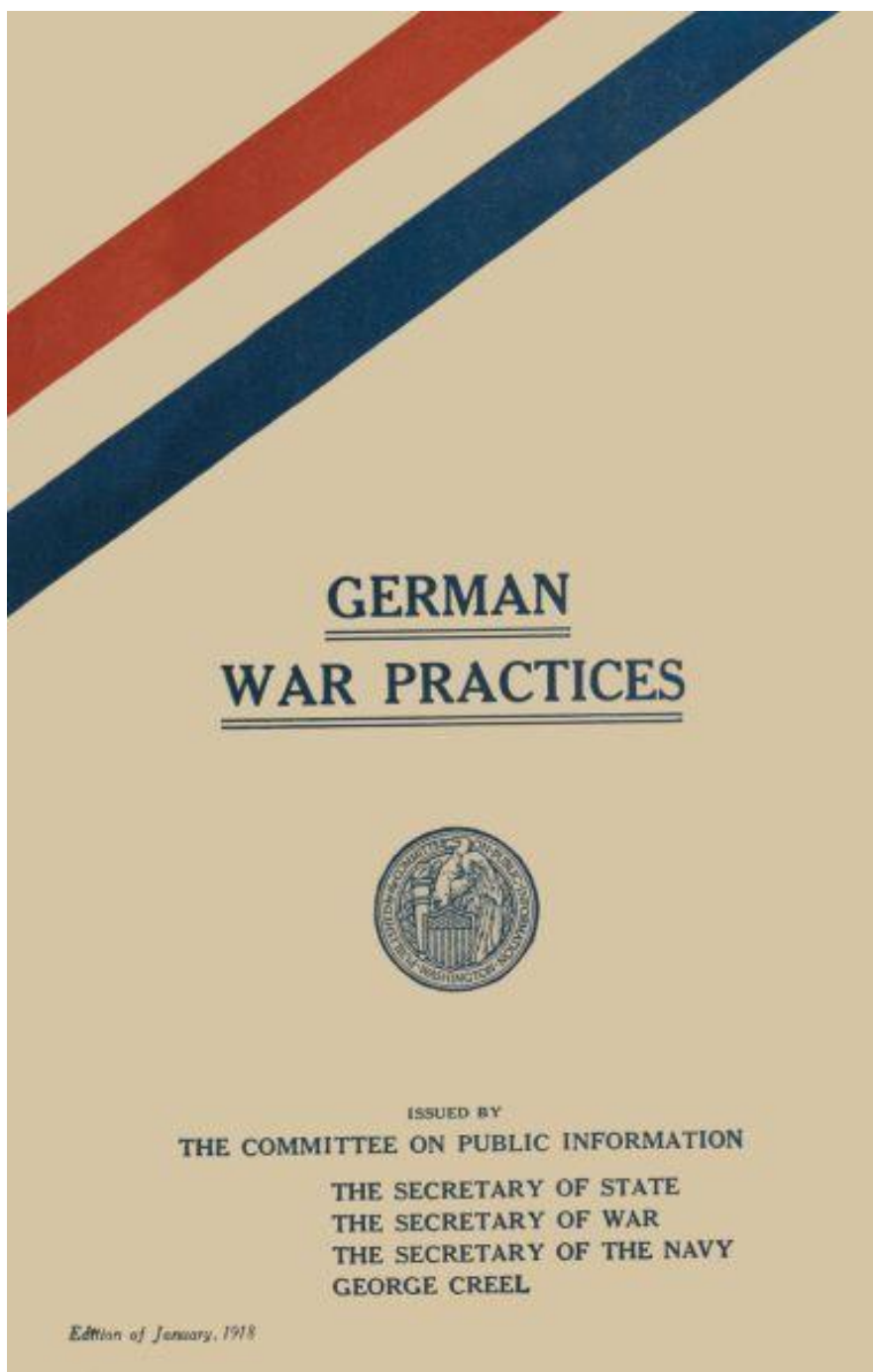

Военная практика Германии, Часть 1. Обращение с гражданскими лицами

Дана Карлтон Манро, Август К. Крей, Джордж К. Селлери

Электронная книга проекта "Гутенберг" о военной практике Германии, часть 1: Обращение с гражданскими лицами

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Военная практика Германии, Часть 1: Обращение с гражданскими лицами

Редактор: Дана Карлтон Манро

Август К. Крей

Джордж К. Селлери

Дата выхода: 27 августа 2017 г. [Электронная книга № 55442]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Брайаном Коу, Грэмом Макретом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НЕМЕЦКАЯ ВОЕННАЯ ПРАКТИКА",
ЧАСТЬ 1: ОБРАЩЕНИЕ С ГРАЖДАНСКИМИ ЛИЦАМИ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", Военная практика Германии, часть 1: обращение с гражданскими лицами, под редакцией Даны Карлтон Манро, Джорджа К. (Джордж Кларк) Селлери и Августа К. (Август Чарльз) Крея

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.
Посмотреть <https://archive.org/details/germanwarpractic00munriala>

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НЕМЦЕВ WAR PRACTICES

ЧАСТЬ I

ОБРАЩЕНИЕ С ГРАЖДАНСКИМИ ЛИЦАМИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДАНЫ К. МАНРО

ПРИНСТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДЖОРДЖ К. СЕЛЛЕРИ и АВГУСТ К. КРЕЙ

ВИСКОНСИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ УНИВЕРСИТЕТ МИННЕСОТЫ

ВЫПУЩЕНО

КОМИТЕТОМ ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫМ

ВОЕННЫМ

МИНИСТРОМ Военно-МОРСКОГО ФЛОТА

ДЖОРДЖЕМ КРИЛОМ

15 ноября 1917г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Настоящим я создаю Комитет по общественной информации, в состав которого войдут государственный секретарь, военный министр, военно-морской министр и гражданское лицо, которому будет поручено исполнительное руководство Комитетом. Гражданским председателем Комитета я назначаю мистера Джорджа Крила.

Государственный секретарь, военный министр и военно-морской министр уполномочены каждый привлекать офицера или офицеров к работе Комитета.

ВУДРО ВИЛЬСОН.

14 апреля 1917 года.

Введение.

Германия обязалась соблюдать Гаагские правила.

На протяжении многих лет лидеры всех цивилизованных стран пытались сделать войну менее жестокой. Важнейшими вехами в этом движении являются Женевская и Гаагская конвенции. Первый установил правила ухода за больными и ранеными и учредил Красный Крест. На первой встрече в Женеве в 1864 году было решено, и до нынешней войны это считалось само собой разумеющимся, что раненые, а также врачи и медсестры, которые ухаживали за ними, будут в безопасности от любых нападений врага. Гаагские конвенции, составленные в 1899 и 1907 годах, устанавливали дополнительные правила для смягчения обычаев войны и особенно для защиты мирных жителей и завоеванных земель. Германия принимала видное участие в этих встречах и вместе с другими странами торжественно поклялась соблюдать все правила, за исключением одной статьи Гаагских правил. Это была статья 44, которая запрещала завоевателю заставлять кого-либо из побежденных давать информацию. Все остальные правила и предписания она принимала самым обязательным образом.

Немецкая политика устрашения.

Но военное руководство Германии не собиралось выполнять эти торжественные обещания. Их обучали по другим направлениям. Их ведущие генералы в течение многих лет настаивали на политике устрашения. В середине девятнадцатого века фон Клаузевиц считался величайшим военным авторитетом, и методы, которые он отстаивал, использовались прусской армией в ее успешных войнах 1866-1871 годов. Следовательно, поскольку эти войны были успешными, прусской армии казалось, что мудрость методов фон Клаузевица полностью доказана.

Итак, суть учения фон Клаузевица заключалась в том, что успешная война предполагает безжалостное применение силы. Во вступительной главе своего главного труда *"В круге (О войне)"* он говорит:

"Насилие вооружается изобретениями искусства и науки. * * * Добровольные ограничения, почти незаметные и едва заслуживающие упоминания, называемые обычаями международного права, сопровождают его, существенно не ослабляя его силы. * * * Теперь филантропические души могут легко вообразить, что существует искусный метод разоружения или подчинения врага, не вызывающий слишком большого кровопролития, и что это истинная тенденция военного искусства. Каким бы правдоподобным это ни казалось, все же это ошибка, которую необходимо уничтожить; ибо в таких опасных вещах, как война, ошибки, проистекающие из духа "добродушия", как раз и являются наихудшими. Поскольку применение физической силы в максимальной степени ни в коем случае не исключает сотрудничества разведки, из этого следует, что тот, кто применяет силу безжалостно, без оглядки на кровопролитие, должен получить превосходство, если его враг не использует ее таким образом".

В 1877-78 годах, в ходе серии статей "Военная необходимость и гуманность", ген. фон Хартманн писал в том же духе, что и фон Клаузевиц:

Устрашение, пропагандируемое немецкими генералами.

"Вражеское государство не должно быть избавлено от нужды и убожества войны; они особенно полезны для того, чтобы подорвать его энергию и подчинить его волю". "С отдельными людьми можно жестоко обращаться, когда из них делают пример, призванный служить предупреждением. * * * Всякий раз, когда вспыхивает национальная война, терроризм становится необходимым военным принципом". "Это беспричинная иллюзия -

полагать, что современная война не требует гораздо большей жестокости, гораздо большего насилия и действий гораздо более общих, чем это было раньше". "Когда на нас обрушивается международная война, терроризм становится принципом, ставшим необходимым по военным соображениям".

В 1881 году фон Мольтке, который был главнокомандующим прусской армией во франко-прусской войне, заявил:

"Вечный мир - это мечта, и даже не прекрасная. Война - это элемент порядка в мире, установленного Богом. С его помощью развиваются самые благородные человеческие добродетели: мужество и самоотречение, верность долгу и дух самопожертвования — солдат отдает свою жизнь. Без войны мир выродился бы и погряз в материализме". "Солдат, который переносит страдания, лишения и переутомление, который подвергается опасностям, не может брать только "пропорционально ресурсам страны". Он должен брать все, что необходимо для его существования. Никто не имеет права требовать от него чего-либо сверхчеловеческого". "Великое благо войны в том, что она должна быть быстро закончена. Ввиду этого, должны быть разрешены все средства, за исключением тех, которые положительно заслуживают осуждения. Я никоим образом не могу согласиться с Заявлением Санкт-Петербурга, когда оно утверждает, что "ослабление вооруженных сил противника представляет собой единственный законный метод ведения войны". Нет! Необходимо атаковать все ресурсы вражеского правительства, его финансы, его железные дороги, его запасы провизии и даже его престиж. * * *

"Гуннская" речь кайзера в 1900 году.

Можно привести много других примеров из трудов немецких генералов. Однако самую лучшую иллюстрацию такого отношения можно найти в различных речах императора, и особенно в его обращении к своим солдатам накануне их отъезда в Китай в 1900 году. 27 июля кайзер отправился в Бремерхафен, чтобы попрощаться с немецкими войсками. Когда они были выстроены, готовые отправиться в Китай, он обратился к ним с последним официальным посланием от Родины. Местная газета полностью передала его речь. В ней появился этот совет и предостережение от императора, главнокомандующего армией, главы всей Германии.

"Как только вы вступите в драку с врагом, он будет разбит. Пощады не будет! Пленных брать не будут! Как гунны при царе Аттиле сделали себе имя, которое и по сей день остается могущественным в традициях и легендах, так пусть имя германцев настолько закрепится в Китае вашими деяниями, что ни один китаец никогда больше не осмелится даже искоса взглянуть на немца. * * * Открой путь для *Культуры* раз и навсегда".

Даже члены императорского совета, похоже, были шокированы речью императора, и были незамедлительно предприняты усилия по пресечению распространения его точных слов. Усилия увенчались успехом лишь частично. Несколькими неделями позже, когда письма немецких солдат в Китае публиковались в местных немецких газетах, ведущая социалистическая газета *Vorwärts* поместила выдержки из них с сообщениями о зверствах под названием "Письма гуннов". Многие лидеры в рейхстаге очень остро ощутили жестокость речи императора. Отвратительное слово "гунны" вызвало почти всеобщее осуждение. Когда в ноябре состоялось заседание рейхстага, эта речь открыто обсуждалась. Герр Либер из Центра (католической партии), процитировав часть речи "без пощады", добавил: "Увы, в рейхстаге есть

оппозиция. в Германии достаточно групп, которые расценили зверства, рассказанные в опубликованных письмах, как добросовестный ответ солдат, которым были адресованы такие обращения и которые их поощряли ". Лидер социал-демократов герр Бебель высказался еще более многозначительно. Ближе к концу двухчасовой речи о зверствах, совершенных немецкими солдатами в Китае, и о речи императора он сказал:

"Если Германия хочет быть носителем цивилизации в мире, мы последуем этому без противоречий. Но пути и средства, которыми эта мировая политика проводилась до сих пор, которые были определены императором * * *, по нашему мнению, не являются способом сохранить мировое положение Германии, завоевать для Германии уважение мира".

Последствия речи императора Бебель метко описал:

"Этим был дан сигнал, облаченный в высшую власть Германской империи, который должен был иметь самые серьезные последствия не только для войск, отправившихся в Китай, но и для тех, кто остался дома". "Столь варварская месть, как эта, никогда не происходила за последние сто лет и нечасто в истории; по крайней мере, ничего хуже этого в истории не случилось ни со стороны гуннов, ни со стороны вандалов, ни со стороны Чингисхана, ни со стороны Тамерлана, ни даже со стороны Тилли, когда он разграбил Магдебург".

Зверства в Китае.

Эти истории о зверствах в Китае или "Письма гуннов" продолжали публиковаться в "*Vorwärts*" в течение нескольких лет и периодически появлялись в дебатах в рейхстаге вплоть до 1906 года. В то время социалист герр Кунерт, рассматривая процедуру судебного разбирательства, жертвой которого он стал прошлым летом, заявил, что он предложил доказать, "что немецкие солдаты в Китае занимались бессмысленными и жестокими грабежами; что грабежи, мародерство, вымогательство, разбой, а также изнасилования и сексуальные надругательства наихудшего рода имели место в очень больших масштабах и что немецкие солдаты участвовали в них". Ему не дали возможности доказать свои обвинения, но он был приговорен к тюремному заключению сроком на три месяца за посягательство на честь "всей немецкой армии ." Возмутительность этого приговора стала очевидной после разоблачений, сделанных в рейхстаге вскоре после этого, о подобных зверствах, совершенных немецкими чиновниками и солдатами в Африке во время кампании против герерос.

Учения Трейчке и Ницше и их пагубное влияние на нынешнее поколение в Германии хорошо известны. Умы ответственных должностных лиц были наполнены идеями, совершенно отличными от тех, с которыми Германия согласилась в Гааге. Культ могущества и войны как его выражения нашел множество последователей, которые наводнили прессу памфлетами и панегириками войне и ее месту в естественном и политическом развитии нации. До войны в Германии ежегодно издавалось в среднем 700 томов о войне, и подавляющее большинство из них, написанных офицерами немецкой армии, пропагандировали безжалостную политику фон Клаузевица, фон Хартмана и фон Мольтке.

Эти идеи, которые стали контролировать умы военного класса, лучше всего представлены в *Немецкой книге о войне (Kriegsbrauch im Landkriege)*, опубликованной в 1902 году. О тоне этой авторитетной книги можно судить по следующим выдержкам:

Учение немецкой военной книги.

"Но поскольку в мышлении прошлого столетия преобладали, по существу, гуманитарные соображения, которые нередко вырождались в сентиментальность и вялые эмоции (*Sentimentalität und weichlicher Gefühlschwärmerei*), не было недостатка в попытках повлиять на развитие обычаев ведения войны способом, который находился в фундаментальном противоречии с природой войны и ее целью. В попытках такого рода также не будет недостатка в будущем, тем более что эта агитация нашла своего рода моральное признание в некоторых положениях Женевской конвенции и Брюссельской и Гаагской конференций".

"Изучая военную историю, офицер сможет оградить себя от чрезмерных гуманитарных представлений; это научит его тому, что на войне необходимы определенные меры предосторожности, более того, что единственная истинная человечность очень часто заключается в их безжалостном применении".

Для руководства офицерами на случай, если жители завоеванной территории поднимут оружие против немецкой армии, в *Немецкой военной книге* с одобрением цитируется письмо Наполеона своему брату Жозефу, когда жители Италии пытались восстать против него:

Безопасность ваших владений зависит от того, как вы поведете себя в завоеванной провинции. Сожгите дотла дюжину мест, которые не желают подчиняться. Конечно, не раньше, чем вы сначала разграбите их; нельзя позволить моим солдатам уйти с пустыми руками. Повесьте от трех до шести человек в каждой деревне, присоединившейся к восстанию; не обращайтесь никакого уважения к рясе" [то есть к представителям духовенства.]

Немецкие военные воззвания во французских переводах.

Некоторые правила, изложенные в *Немецкой военной книге*, проиллюстрированы, а их дух стал более определенным в *Военном исследовании. Zum Gebrauch im Feindesland* (Военный переводчик для использования в стране Противника). Это руководство, отредактированное в Берлине в 1906 году. "Он содержит, - говорится во введении, - французский перевод большей части документов, писем и прокламаций, а также некоторых приказов, которые могут понадобиться во время войны". Таким образом, за восемь лет до начала этой войны немецкие военные власти не только готовили своих офицеров к ведению войны способом, полностью противоречащим Гаагским правилам, но и с нетерпением ожидали использования этих прокламаций на территории Франции или Бельгии. Среди его форм, готовых к использованию с указанием имен, даты и места, следующие:

"На город О. налагается штраф в размере 600 000 марок за попытку покушения, совершенную ... с целью убийства немецкого солдата. По приказу ...

"Были предприняты безуспешные попытки добиться отмены штрафа.

Срок, установленный для оплаты, истекает завтра, в субботу, 17 декабря, в полдень.

"К оплате принимаются банкноты, наличные или серебряные тарелки".

"Я должен подтвердить получение вашего письма от 7 числа этого месяца, в котором вы обращаете мое внимание на большие трудности, с которыми, как вы ожидаете, столкнетесь при взимании взносов. * * * Я могу лишь сожалеть об объяснениях, которые вы сочли нужным дать мне по этому вопросу; соответствующий приказ, исходящий от моего правительства, настолько ясен и точен, а инструкции, которые я получил повопросу, настолько категоричны, что, если сумма, причитающаяся городу Р., не будет выплачена, город будет безжалостно сожжен дотла!"

"В связи с разрушением моста Ф... я приказываю: округ выплатит специальный взнос в размере 10 000 000 франков в качестве компенсации. Это доводится до сведения общественности, которой сообщается, что метод оценки будет объявлен позже и что выплата указанной суммы будет обеспечиваться со всей строгостью. Деревня F... будет немедленно уничтожена огнем, за исключением некоторых зданий, занятых для использования войсками".

Эти формы были очень полезны немецкому командованию в Бельгии и северной Франции. Насколько внимательно им следили в этих завоеванных землях во время нынешней войны, можно увидеть, прочитав следующие прокламации и другие прокламации, напечатанные в других местах этой брошюры.

"Город Брюссель, за исключением его пригородов, был наказан дополнительным штрафом в размере 5 000 000 франков в связи с нападением на немецкого солдата, совершенным Риккером, одним из сотрудников его полиции.

"Губернатор Брюсселя",
барон фон Люттвиц.

"1 ноября 1914 года."

Плакат, вывешенный на стенах Люневиля по приказу немецких властей:

"Обратите внимание на людей.

"Некоторые жители Люневиля совершили нападение из засады на немецкие колонны и обозы (поезда). В тот же день [некоторые из] жителей стреляли в санитарные части, отмеченные Красным Крестом. Кроме того, были обстреляны немецкие раненые и военный госпиталь, в котором находилась немецкая машина скорой помощи.

"Из-за этих актов враждебности на коммуну Люневиль налагается штраф в размере 650 000 франков. Мэру предписывается выплатить эту сумму золотом или серебром в размере до 50 000 франков 6 сентября 1914 года, в девять часов утра, представителю германских военных властей. Все протесты будут считаться недействительными. Отсрочка не будет предоставлена.

"Если коммуна не выполнит в срок приказ о выплате суммы в 650 000 франков, все имущество, на которое может быть наложено взыскание, будет арестовано.

"В случае неуплаты будут совершены обыски от дома к дому и у всех жителей будут проведены обыски. Если кто-либо сознательно спрятал деньги или попытался утаить свое

имущество от захвата военными властями, или если кто-либо попытается покинуть город, он будет расстрелян.

"Мэр и заложники, захваченные военными властями, будут нести ответственность за точное выполнение вышеуказанных приказов.

"Мэру приказано немедленно опубликовать это уведомление в Коммуне.

"Hénaménil, Sept. 3, 1914.

- Главнокомандующий,
фон Фасбендер.

Немецким офицерам были выданы бланки, которые они должны были использовать для устрашения покоренного народа. Простым солдатам были выданы разговорники, которые позволили бы им навязывать свою волю перепуганным людям. Министр Брэнд Уитлок в своем докладе Государственному департаменту от 12 сентября 1917 года пишет:

"Немецким солдатам были предоставлены разговорники с альтернативными переводами на немецкий и французский языки таких предложений, как:

"Руки вверх". (Это самое первое предложение в книге.)

- Вынесите всю мебель.

"Я хочу пить. Принеси мне пива, джина, рома.

-"Вы должны снабдить нас бочонком вина и бочонком пива.

"Если ты мне солжешь, я прикажу тебя немедленно расстрелять.

"Веди меня к самым богатым жителям этой деревни. У меня приказ реквизировать несколько бочек вина.

- "Покажи нам дорогу к...". Если ты собьешь нас с пути, тебя пристрелят.

Система устрашения.

Цитаты и прокламации, напечатанные выше, ясно демонстрируют позицию немецких военных властей. Политика устрашения была возведена в систему, где каждая мельчайшая деталь была проработана заранее. *Немецкая военная книга* с ее "хладнокровными доктринами о природе войны и средствах, которые могут быть использованы при ведении войны" выполнила свою работу по подготовке немецких военных чиновников. Об этой книге хорошо сказано: "Впервые в истории человечества столь отвратительное вероучение было намеренно сформулировано великим цивилизованным государством". Генералы дали свое согласие на эту политику устрашения. Ген. фон Бернхарди был процитирован в интервью в *Новой Свободной прессе* Вены следующим образом:

"Нельзя вести войну сентиментально. Чем безжалостнее ведение войны, тем гуманнее она на самом деле, ибо тем скорее она закончится. Война, которая из всех войн является и должна быть наиболее гуманной, - это та, которая ведет к миру с возможно меньшим опозданием".

Это интервью было воспроизведено в газете *"Берлинер Тагеблатт"* от 20 ноября 1914 года.

Мистер Ф.К. Уолкотт из Бельгийской комиссии помощи рассказывает в журнале *Geographic* за май 1917 года о встрече с генералом фон Бернхарди:

Интервью с Бернхарди.

"Когда я выходил, в комнату вошел генерал фон Бернхарди, опытный артиллерист, профессор одного из их военных колледжей. Я встретился с ним на следующее утро, и он спросил меня, читал ли я его книгу *"Германия и следующая война"*.

Я сказал, что слышал. Он сказал: "Знаете, мои друзья чуть не выдворили меня из страны за этого. Они сказали: "Вы выпустили кота из мешка". Я сказал: "Нет, я этого не делал, потому что никто в это не поверит". "Что вы об этом думаете?"

- Я сказал: "Генерал, я не поверил ни единому слову из этого, когда читал, но теперь я чувствую, что вы сказали не всю правду", и старый генерал выглядел по-настоящему довольным.

Говоря 29 августа 1914 года в Мюнстере о крайних мерах, которые немцы сочли своим долгом предпринять против гражданского населения Бельгии, генерал Дж. фон Биссинг сказал:

Заявление фон Биссинга.

"Невиновный должен страдать вместе с виновным. * * * При подавлении позора нельзя щадить человеческие жизни, и если уничтожаются изолированные дома, цветущие деревни и даже целые города, это, несомненно, достойно сожаления, но это не должно вызывать несвоевременной сентиментальности. Все это не должно в наших глазах весить столько, сколько жизнь одного из наших храбрых солдат — неукоснительное выполнение долга является проявлением высокой культуры, и в этом население вражеских стран может извлечь урок из нашей армии".

Генерал фон Биссинг после своего назначения генерал-губернатором Бельгии по существу повторил приведенное выше мнение голландскому журналисту. Интервью опубликовано в *Düsseldorfer Anzeiger* от 8 декабря 1914 года.

Ирвин С. Кобб излагает свои выводы об ответственности высшего немецкого командования за зверства:

Но я был свидетелем преступлений, которые, измеряемые стандартами человечности и цивилизации, произвели на меня впечатление худшее, чем любой индивидуальный эксцесс, любое индивидуальное возмущение, которые когда-либо могли быть; потому что эти преступления, несомненно, были спровоцированы на массовой основе по приказу высокопоставленных офицеров и должны были осуществляться под их личным наблюдением, руководством и одобрением. Вкратце, то, что я увидел, было таково: я видел обширные территории Бельгии и Франции, в которых не было допущено бессмысленного разрушения ни на грош, где спелые груши висели нетронутыми на садовых оградах; и я видел другие обширные области, где едва ли остался камень, чтобы стоять на другом; где поля были разорены; где мужчины-жители деревни были расстреляны целыми отрядами; где несчастных выживших бросили прятаться в норах, как диких зверей.

"Взяв вещественные доказательства, представленные нашими собственными глазами, и подкрепив их заявлениями, сделанными нам не только местными жителями, но и

немецкими солдатами и офицерами, мы могли прийти только к одному выводу, который заключался в том, что здесь, в таком-то месте, командующие сказали войскам: "Пощадите этот город и этих людей". И там они сказали: "Опустошите этот город и расстреляйте этих людей". И здесь войска пощадили разборчиво, а там они без разбора растратили деньги, в точном соответствии со словом своего начальства ". Ирвин С. Кобб, *Говоря о пруссаках*, Нью-Йорк, 1917, стр. 32-34.

Эти идеи, таким образом, систематически внедрялись в военные и чиновничьи классы. Однако было необходимо воздействовать на умы немецкого народа, чтобы он мог согласиться с бесчеловечной политикой, пропагандируемой военными лидерами. Сделать это было трудно, поскольку, как было показано выше, многие гражданские лидеры общественного мнения снова и снова выражали свой ужас перед новым духом, который одушевлял военные власти. Дебаты в рейхстаге дают достаточно доказательств этого, и задача военачальников была бы еще более сложной, если бы рейхстаг обладал какой-либо реальной властью. (См. Серию военной информации, № 3, *Правительство Германии*; см. также книгу Джерарда "Мои четыре года в Германии", глава II.)

Военные власти и сочувствующие им сделали все, что было в их силах, чтобы возбудить в умах немцев ненависть к другим народам. Перед войной проводилась просветительская кампания с целью внушения немцам вероломной природы народов, против которых военные лидеры были озабочены ненавистью к бельгийцам. вести войну. Немцев не только постепенно заставили поверить в необходимость ведения оборонительной войны против беспринципных врагов, но также и в то, что эти враги нарушат все заповеди человечности и, следовательно, должны быть безжалостно раздавлены в качестве меры самообороны. Плоды этой кампании подозрительности и ненависти стали очевидны, когда почти в самом начале войны многие немцы прониклись верой в то, что все население Бельгии, первой страны, подвергшейся вторжению, нарушило все правила честной войны, что *франки-тиреры* (партизаны) были повсюду, выполняя свою смертоносную работу в тайне или под покровом темноты; что женщины и даже дети калечили и убивали раненых или беспомощных пленных.

Влияние басен на общественное сознание можно увидеть в следующих выдержках из немецких писем:

Выдержка из письма, написанного немецким солдатом своему брату. (Это письмо, находящееся в настоящее время во владении правительства Соединенных Штатов, было получено для данной брошюры г-ном Дж.К. Гроу, бывшим секретарем посольства Соединенных Штатов в Берлине.)

"4 ноября 1914 года.

"Сражения повсюду чрезвычайно упорные и кровопролитные. Англичан мы ненавидим больше всего и хотим хоть раз поквитаться с ними. В то время как время от времени видишь французских пленных, почти никогда не видишь французских черных солдат или англичан. Наши пехотинцы не упускают из виду этих хороших людей; таких людей косят без пощады. Потери англичан, должно быть, огромны. Есть желание уничтожить их с корнем".

Отрывок из другого письма брату:

"Schleswig, 25, 8, 14 [Aug. 25, 1914].

"Дорогой брат, как ты знаешь, ты вскоре отправишься в Брюссель со своим полком. Позаботьтесь о том, чтобы защитить себя от этих *гражданских лиц*, особенно в деревнях. Не позволяйте никому из них приближаться к вам. *Стреляйте без жалости в каждого, кто подойдет слишком близко.* Они очень умные, коварные ребята, эти бельгийцы; даже женщины и дети вооружены и стреляют из ружей. Никогда не заходите в дом, особенно в одиночку. Если вы возьмете что-нибудь выпить, заставьте жителей выпить первыми и держитесь от них на расстоянии. *Газеты сообщают о многочисленных случаях, когда они стреляли в наших солдат, когда те были пьяны.* Вы, солдаты, должны сеять вокруг себя такой страх перед собой, что ни один мирный житель не осмелится приблизиться к вам. Всегда оставайтесь в компании других. *Я надеюсь, что вы читали газеты и знаете, как себя вести. Прежде всего, не испытывайте сострадания к этим головорезам. Бей по ним без жалости прикладом своей винтовки и штыком.* * * *

- Твой брат,
Вилли.

Император санкционировал сообщения о зверских действиях бельгийцев в телеграмме президенту Вильсону.

Из Берлина через Копенгаген, 7 сентября 1914 г..

"Государственный секретарь,
"Вашингтон.

"Номер 53. 7 сентября. Меня просят переслать Президенту следующую телеграмму Императора:

"Я считаю своим долгом, господин Президент, сообщить вам как наиболее выдающемуся представителю принципов гуманности, что после взятия французской крепости Лонгви мои войска обнаружили там телеграмму императора. из патронов dumdim, изготовленных специальным правительственным оборудованием. Такие же боеприпасы были обнаружены у убитых и раненых военнослужащих и пленных, а также у британских военнослужащих. Вы знаете, какие ужасные раны и страдания наносят эти пули и что их применение строго запрещено установленными нормами международного права. Поэтому я обращаюсь к вам с торжественным протестом против такого рода боевых действий, которые благодаря методам наших противников стали одними из самых варварских, известных в истории. Они не только применили это ужасное оружие, но и бельгийское правительство открыто поощряло и с давних пор тщательно готовило участие гражданского населения Бельгии в боевых действиях. Зверства, совершенные даже женщинами и священниками в этой партизанской войне, а также по отношению к раненым солдатам, медицинскому персоналу и медсестрам, убитые врачи, больницы, подвергшиеся ружейному обстрелу, были таковы, что мои генералы в конце концов были вынуждены принять самые решительные меры, чтобы наказать виновных и запугать жаждущее крови население, чтобы оно не продолжало свою работу по подлым убийствам и террору. Некоторые деревни и даже старый город Левен [Louvain], за исключением прекрасного hôtel de ville, пришлось разрушить в целях самообороны и для защиты моих войск. Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, что такие меры стали неизбежными, и когда я думаю о множестве невинных людей, которые теряют свои дома и имущество в результате варварского поведения этих преступников. Подписано. Уильям, император и король".

"Джерард. *Berlin*."

Лоренц Мюллер в "Немецком католическом обозрении", "*Der Fels*", февраль 1915 г., сделал следующее заявление по поводу телеграммы императора:

Опровержение немца.

"Официально не доказано ни одного случая, когда люди стреляли с помощью священников с башен церквей. Все, что стало известно до настоящего времени и что стало объектом расследования относительно предполагаемых зверств, приписываемых католическим священникам во время этой войны, было показано как ложное и полностью вымышленное, без каких-либо исключений. Наш Император телеграфировал президенту Соединенных Штатов Америки, что даже женщины и священники совершали зверства во время этой партизанской войны по отношению к раненым солдатам, врачам и медсестрам, прикрепленным к полевым машинам скорой помощи. Каким образом эта телеграмма может быть согласована с указанным выше фактом, мы сможем узнать только после войны".

The *Форвартс*из Берлина 22 октября 1914 года сказал:

Опровержение Форвартса.

"Мы уже смогли установить ложность большого числа утверждений, которые были сделаны с большой точностью и опубликованы повсюду в прессе, относительно предполагаемых жестокостей, совершенных населением стран, с которыми Германия находится в состоянии войны, по отношению к немецким солдатам и гражданским лицам. Теперь мы можем заставить замолчать две другие из этих фантастических историй.

"Военный корреспондент *Berliner Tageblatt* несколько недель назад говорил о сигарах и сигаретах, начиненных порохом, которые, как утверждается, выдавались или продавались нашим солдатам с дьявольскими намерениями. Он даже притворился, что видел собственными глазами сотни таких сигарет. Из достоверного источника мы узнаем, что эта история с сигарами и сигаретами - не что иное, как наглая выдумка. Истории о солдатах, глаза которых, как утверждается, были вырваны франкотирерами, распространяются по всей Германии. Официально не установлено ни одного случая подобного рода. В каждом случае, когда удавалось проверить эту историю, ее неточность была продемонстрирована.

"Не имеет большого значения, что сообщения такого рода носят видимость положительной достоверности или даже подтверждаются очевидцами. Стремление к дурной славе, отсутствие критики и личные ошибки играют прискорбную роль в те дни, в которые мы живем. Каждый отстреленный или просто перевязанный нос, каждый удаленный глаз немедленно превращается в нос или глаз, вырванный франками-тиреурами. *Фольксцайтунг* Кельна уже смог, вопреки весьма категоричным утверждениям из Экс-ла-Шапель, доказать, что в полевой санитарной машине этого города не было солдата с вырванными глазами. Говорилось также, что люди, раненные таким образом, проходили лечение в окрестностях Берлина, но всякий раз, когда проводились расследования в связи с этими сообщениями, их абсолютная ложность была продемонстрирована. В конце концов эти отчеты были сосредоточены в Гросс-Лихтерфельде. Газета, вышедшая в полдень и широко распространявшаяся в Берлине,

напечатала несколько дней назад крупным шрифтом новость о том, что только в лазаретто Лихтерфельде было "десять немецких солдат, лишь слегка раненных, у которых были коварно вырваны глаза". Но на запрос товарища Либкнехта о предоставлении информации главный врач вышеупомянутого полевого госпиталя прислал следующий письменный ответ, датированный 18-м числом месяца:

"Сэр,

- К счастью, в этих историях нет ни капли правды.

"Покорно ваш,
профессор Раутенберг".

Немецкие солдаты протестуют против зверств.

Таким образом, учения *Немецкой книги о войне* и немецких апостолов устрашения, подозрительности и ненависти теперь начали приносить свои естественные плоды. Но голос протеста не был совсем безмолвным. Значительное количество писем немецких солдат, потрясенных зверствами немцев, было направлено послу Джерарду, поскольку он был представителем Соединенных Штатов, ведущей нейтральной страны. Три письма, которые следуют далее в переводе, были получены американским послом от немецких солдат. Они были получены для этой брошюры от госсекретаря Грю; они иллюстрируют как саму систему, так и тот ужас перед ней, который испытывали авторы.

Вот протест немецкого солдата, очевидца резни русских солдат в мазурских озерах и болотах:

"Это было ужасно, душераздирающе, когда эти массы людей были доведены до уничтожения. Сквозь страшный грохот пушек были слышны душераздирающие крики русских: "О пруссаки! О пруссаки!" — но пощады не было. Наш капитан приказал: "Все должны умереть; такой быстрый огонь". Как я слышал, пятеро солдат и один офицер с нашей стороны сошли с ума от этих душераздирающих криков. Но большинство моих товарищей и офицеров шутили, когда безоружные и беспомощные русские молили о пощаде, в то время как их душили в болотах и расстреливали. Приказ был такой: "Сомкнись и бей сильнее!" Несколько дней спустя эти душераздирающие вопли преследовали меня, и я не смею думать о них, иначе сойду с ума. Бога больше нет, морали и нравственности больше нет. Людей больше нет, а только звери. Долой милитаризм.

"Это был опыт прусского солдата. В настоящее время ранен; Берлин, 22 октября 1914 года.

"Если вы человек, любящий правду, пожалуйста, примите эти строки от простого прусского солдата".

Вот свидетельство другого немецкого солдата на Восточном фронте.

"Русская Польша, 18 декабря 14 года.

"Во имя христианства я посылаю вам эти слова.

"Моя совесть заставляет меня как немецкого солдата-христианина ознакомить вас с этими строками.

"Раненых русских добивают штыком согласно приказу.

"А русских, которые сдались, часто массово расстреливают в соответствии с приказами, несмотря на их душераздирающие молитвы.

"В надежде, что вы, как представитель христианского государства, будете протестовать против этого, я подписываюсь сам,

- Немецкий солдат и христианин.

"Я бы назвал свое имя и полк, но за эти слова меня могут отдать под трибунал за разглашение военной тайны".

Третье письмо, с Западного фронта, демонстрирует тот же ужас перед системой, свидетелем которого был автор.

"К

"Американскому правительству,

"Вашингтон, США

"Сдавшихся англичан расстреливают небольшими группами. С французами более тактичны. Я спрашиваю, позволяют ли мужчины брать себя в плен, чтобы потом быть разоруженными и застреленными? Это рыцарство в бою? Среди людей это больше не секрет; повсюду слышно, что пленных берут мало; их расстреливают небольшими группами. Они наивно говорят: "Нам не нужны лишние рты, которые нужно кормить. Там, где некому подать жалобу, нет судьи. "Неужели в мире нет силы, способной положить конец этим убийствам и спасти жертв? Где христианство? Где правда? Сила - это право.

"Солдат и Мужчина, который не варвар".

Социалисты выступают против системы.

Многие немцы, как уже указывалось, не верят сообщениям о зверствах, совершенных бельгийскими гражданскими лицами, и отказываются принимать систему устрашения. "*Форвартс*", ведущая социалистическая газета, имеющая очень широкий круг читателей, выступила против политики устрашения. Вся честь его редакторам, которые так мужественно противостояли могущественной военной власти! Его редакционная статья, озаглавленная "Наши враги", опубликованная 23 августа 1914 года, гласит следующее:

"Мы хотим проявить гуманность и дружелюбие по отношению к тем, кого военная удача сыграла нам на руку в качестве пленных. Но мы также хотим быть гуманными по отношению к нашим врагам на поле боя. Мы должны сражаться с ними. * * * Но сражаться не значит убивать. Это не значит быть варварами. * * *

Что следует сказать, когда даже такой орган, как *Deutsches Offizier-Blatt*, выражает свое сочувствие требованию, чтобы "животных", которых принимают за франкоязычных, не убивали, а только ранили, чтобы затем их можно было оставить на произвол судьбы, "которая делает невозможной любую помощь"? Или что мы должны сказать, когда *Deutsches Offizier-Blatt* заявляет, что "карательное уничтожение даже целых регионов" не может "позволить получить полную компенсацию за кости одного убитого померанского гренадера". желания кровожадных фанатиков, и нам очень стыдно за самих себя, потому

что, возможно, среди нас есть люди, которые призывают к подобным вещам. Такие разоблачения сами по себе, даже если за ними не последуют, скорее всего, поставят нашу борьбу совершенно в невыгодное положение перед всем миром. * * * Давайте проявим рыцарство, даже если мы принадлежим к пролетариату. Давайте приложим все усилия, чтобы, когда борьба, наконец, завершится, нам не было так трудно снова работать сообща, как братьям, с нашими товарищами по классу по другую сторону границы".

На следующий день, 24 августа 1914 года, *Vorwärts* вернулись к нападкам в редакционной статье "Против варварства".

Некоторые немцы требуют "варварских оргий".

* * * "Во-первых, можно было бы поверить, что такое требование кровавой мести [против предполагаемых бельгийских бесчинств] исходит от одного большого мозга; но, похоже, что целые группы среди определенных классов, представляющих немецкую культуру, хотят предаваться оргиям варварства и разработать целую систему с целью организации "войны возмездия".

- А как же закон и обычай! Такие мысли не волнуют "великую нацию". Так, в передовой статье *Berliner Neueste Nachrichten* выдвигается требование, чтобы все власти Брюсселя — за великодушным исключением одного, второго бургомистра - были немедленно схвачены и преданы суду, чтобы искупить зло, которое, согласно отрывочным и крайне недостоверным сообщениям, якобы было совершено народом. Они требуют, чтобы захваченный город немедленно выплатил штраф в размере 500 000 000 марок; чтобы все запасы завоеванной территории были реквизированы, не заплатив за них жителям ни единого пенни".

Три года спустя, 26 августа 1917 г., *Vorwärts* процитировал следующий отрывок из *Deutsche Tageszeitung*:

Все еще придерживаюсь того же мнения.

"У нас есть группа политиков, которые считают, что сила делает правым (*Machtpolitiker*), которые презирают силы внутренней жизни и верят, что они должны исключить все этические точки зрения * * * из внешней и социальной политики. Для них Германия настоящего и будущего - это страна Круппов и Борзигов, Цеппелинов и подводных лодок. Любая идея о связи между политикой и моралью отвергается, а любая ссылка на право морального метода рассмотрения высмеивается как заблуждение и сентиментальность".

Бельгийское предупреждение об опасности.

Естественно, сообщения о зверствах, совершенных немцами, и заявление императора о том, что война отныне примет ужасный характер (*grausamen Charakter*) вызвали серьезную тревогу среди бельгийцев. Чтобы избежать опасности репрессий, бельгийское правительство в начале вторжения распорядилось, чтобы все бельгийские газеты ежедневно публиковали на первой странице следующее уведомление крупным шрифтом:

- ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ.

"Министр внутренних дел советует гражданским лицам на случай, если враг появится в их районе:

"Не драться;

"Не произносить оскорбительных или угрожающих слов;

"Оставаться в своих домах и закрыть окна, чтобы было невозможно утверждать, что имела место какая-либо провокация;

"Эвакуировать любые дома или изолированные деревушки, которые могут занять солдаты, в целях самообороны, чтобы нельзя было утверждать, что стреляли гражданские лица;

"Акт насилия, совершенный одним гражданским лицом, был бы преступлением, за которое закон предусматривает арест и наказание. Это тем более предосудительно, что может послужить предлогом для мер угнетения, приводящих к кровопролитию или грабежам, или массовым убийствам невинного населения, включая женщин и детей".

В надежде вызвать сочувствие и заручиться помощью нейтральных стран бельгийское правительство назначило комитет для выяснения фактов о немецкой практике. Доказательства, собранные бельгийскими комиссарами, подробны и недвусмысленны, а в их отчетах указаны имена, места и даты. Однако невозможно включить в эту брошюру больше, чем следующее краткое изложение обвинений, которые они выдвигают против немцев:

"1. Что немцами были убиты тысячи ни в чем не повинных мирных жителей, включая женщин и детей.

"2. Что женщины были возмущены.

"3. Что обычаем немецких солдат сразу при входе в город было врываться в винные лавки и подвалы частных домов и напиваться до безумия.

"4. Что немецкие офицеры и солдаты мародерствовали в гигантских и систематических масштабах и при попустительстве немецких властей отправляли большую часть добычи обратно в Германию.

"5. Что грабеж сопровождался бессмысленными разрушениями и зверскими и святотатственными обрядами.

"6. Что города, поселки, деревни и отдельные здания были разрушены.

"7. Что в ходе такого разрушения люди были сожжены заживо.

"8. Что существовала единообразная практика захвата заложников и, таким образом, привлечения большого числа заведомо невиновных людей к ответственности за предполагаемые правонарушения других.

"9. Что большое количество гражданских мужчин и женщин были фактически порабощены немцами, их против воли заставляли работать на врагов их страны или угоняли, как скот, в Германию, где все следы их были потеряны.

"10. Что города, поселки и деревни были оштрафованы, а их жители подверглись жестокому обращению из-за успеха, достигнутого бельгийцами над немецкими солдатами.

"11. Что общественные памятники и произведения искусства были бессмысленно разрушены захватчиками.

"12. И что в целом Правила Гаагской конференции и обычаи цивилизованной войны игнорировались немцами, и что среди других нарушений таких правил и обычаев немцы применили новую и бесчеловечную практику гонять бельгийских мужчин, женщин и детей перед собой в качестве ширмы между ними и солдатами союзников".

Немецкие власти обязались защищаться от ужасного обвинительного заключения, содержащегося в отчете, опубликованном бельгийским правительством, и назначили немецкую комиссию, которая собрала огромную массу материалов, призванных показать, что их акты жестокости были всего лишь актами возмездия, вызванными деяниями бельгийцев. Эта масса свидетельств была опубликована в *Немецкой белой книге* под названием *Die völkerrechtswidrige Führung des Belgischen Volkskriegs*.

Немецкая комиссия заявила в своих выводах, что немецкие солдаты действовали гуманно, сдержанно и с христианской снисходительностью. Но показания немецких солдат под присягой, которые опубликовала комиссия, показывают обратное.

Белая книга Германии раскрывает зверства.

Было хорошо сказано, что публикация этой *Белой книги* Германии была "удивительной официальной ошибкой". Нейтральный мир, к хорошему мнению которого стремилась Германия, не был убежден в том, что бельгийцы совершили те зверства, в которых их обвиняли немцы. С другой стороны, эта *Белая книга*, опубликованная правительством Германии, будет принята всеми как неопровержимое доказательство массовых убийств и других жестоких деяний, которые были осуществлены в качестве "репрессий" по приказу немецких военных властей в Бельгии. Имена немецких офицеров, отдававших ужасные приказы, официально публикуются, и "часто сами эти люди выходят вперед и холодно и бессердечно осуждают действия, которые унизили немецкую армию и оставили пятно на ее знаменах, которое [будущие] поколения рыцарей не сотрут".

Действительно, в свете признаний, содержащихся в *Немецкой Белой книге*, не будет преувеличением сказать, что время уже пришло, о чем говорил президент Вильсон в своем послании президенту Пуанкаре от 19 сентября 1914 г., когда он сказал (выступая от имени "нации, которая ненавидит бесчеловечные методы ведения войны"):

"Придет время, когда этот великий конфликт закончится и когда истина сможет быть беспристрастно установлена. Когда это время наступит, те, кто несет ответственность за нарушения правил цивилизованной войны, если такие нарушения имели место, и за ложные обвинения против своих противников, должны, конечно, нести бремя суда над миром".

ХАРАКТЕР МАТЕРИАЛА, ИСПОЛЬЗОВАННОГО В ЭТОЙ БРОШЮРЕ.

Немецкие источники.

В этой брошюре, как и на предыдущих страницах, доказательства взяты в основном из немецких и американских источников. Немецкие источники включают официальные прокламации и другие официальные высказывания, письма и дневники немецких солдат, а также цитаты из немецких газет. Дневники, которые так часто цитируются, представляют собой уникальный источник. *Правила полевой службы* немецкой армии советуют каждому солдату вести такой дневник во время прохождения действительной службы. Очень многие немецкие солдаты, попавшие в плен, вели такие дневники, и они были конфискованы захватчиками. Многие из них были опубликованы, часто с факсимильными копиями, чтобы гарантировать их подлинность. Самая известная коллекция была создана Бедье, которого профессор. Холлманн из Берлинского университета должным образом охарактеризовал как "выдающегося профессора. Joseph Bédier of the Collège de France." О публикации Бедье профессор. Нироп из Копенгагенского университета говорит:

Он перевел дневники и прокомментировал их точно так же, как это делается со всеми старыми историческими документами, и, чтобы каждый мог ознакомиться с его работой, он также сопроводил отчет факсимильными копиями документов, которые он использовал. Соответственно, здесь с самого начала приводятся все доказательства, которые он использовал. Никакая фальсификация невозможна. Это рассказы очевидцев, и эти очевидцы - немцы. Они рассказывают о том, что сделали они сами или их товарищи, и Бедье сопровождает их реплики беглыми комментариями, которые показывают, что были нарушены не только общее право и Гаагские конвенции, но и были совершены грехи против самых элементарных законов человечества. И материал, и презентация неопровержимы. Подробности, которые предоставляют немецкие солдаты в отношении своих собственных актов насилия, поражают ужасом".

Профессор. Холлманн попытался доказать, что Бедье допустил ошибки при переводе, но он не отрицал подлинность дневников. "Эти записные книжки, - говорит он, - вполне могут быть подлинными, и я принимаю это без дальнейших комментариев в отношении всех тех, на которых указаны имена их авторов и подлинность которых в любом случае может быть установлена после войны".

Американские источники.

Американские доказательства взяты в основном из материалов архивов Государственного департамента. Кроме того, приводятся заявления наших послов и министров, а также других известных должностных лиц и авторов. Господа. Гувер, Келлог и Уолкотт написали заявления специально для этой брошюры. Весь этот материал, по сути, является свидетельством нейтральных сторон, поскольку он полностью основан на наблюдениях, сделанных до вступления Соединенных Штатов в войну. Иногда используются официальные документы и достоверные факты из иностранных источников.

Устрашение как система.

Цель этой брошюры - показать, что система устрашения, которая сама по себе является величайшим злодеянием, является определенной политикой германского правительства, против которой время от времени восставали сами более гуманные немецкие солдаты. По этой причине не представлялось необходимым приводить отдельные акты жестокости; такие акты приводятся только тогда, когда это необходимо для иллюстрации системы. Любой, кто желает

прочитать главы из "ужасов", может найти их в *Отчете Комитета по предполагаемым злодеяниям Германии*, возглавляемого бывшим британским послом в этой стране и поэтому широко известного как "отчет Брайса"; в официальных отчетах бельгийской *Энкетной комиссии*; в официальных французских отчетах, составленных под эгидой французского министра иностранных дел; во многих других публикациях, и особенно в убедительных признаниях официальной *немецкой белой книги*, упомянутых выше. Последнее, опубликованное немецким правительством, является самым обличительным свидетельством о системе устрашения.

ОБРАЩЕНИЕ С ГРАЖДАНСКИМИ ЛИЦАМИ

I. МАССОВЫЕ УБИЙСТВА.

Защита мирных жителей, согласованная Германией.

В войнах, которые велись в древние времена, считалось само собой разумеющимся, что покоренные народы могут быть либо убиты, либо подвергнуты пыткам, либо удерживаться в качестве рабов; что их собственность будет отнята, а их земли опустошены. "*Vae victis!*— горе побежденным!" В течение двух столетий или более наблюдался неуклонный прогресс в распространении идей гуманности и особенно в том, что зло войны ограничивалось только воюющими сторонами. Идеал, по-видимому, настолько прочно утвердился в качестве части международного права, что власти в Гааге сочли достаточным просто изложить общие принципы в статье XLVI регламента: "Честь и права семьи, жизнь людей и частная собственность, а также религиозные убеждения и обычаи должны уважаться. Частная собственность не может быть конфискована". Германия, но ее военные лидеры не согласились. как и другие державы, она торжественно поклялась соблюдать этот пункт, но ее военачальники не собирались этого делать. Они были обучены идеям, озвученным генералом. фон Хартманн 40 лет назад: "Терроризм рассматривается как относительно мягкая процедура, полезная для удержания народных масс в состоянии повиновения". Такой была и политика Бисмарка. Согласно Морицу Бушу, биографу Бисмарка, Бисмарк, раздраженный французским сопротивлением, которое все еще продолжалось в январе 1871 года, сказал:

Идея Бисмарка в 1871 году.

"Если на территории, которую мы занимаем, мы не можем полностью обеспечить наши войска, время от времени мы будем посылать летучие колонны в непокорные населенные пункты. Мы будем стрелять, вешать и сжигать. После того, как это повторится несколько раз, жители наконец образумятся".

Устрашение, которому учили немецкие лидеры, имело полную силу в Бельгии. Лучше всего это видно по записям в дневниках отдельных немецких солдат.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ.

"В ночь с 15 на 16 августа инженер Г.Р. поднял тревогу в городе Визе. Все были расстреляны или взяты в плен, а дома сожжены. Заключенных заставляли маршировать и не отставать от войск".

(Из дневника унтер-офицера Рейнхольда Кена из Второго инженерного батальона Третьего армейского корпуса.)

"Ужасная кровавая баня. Вся деревня сожжена, французы брошены в пылающие дома, мирные жители вместе с остальными". (Из дневника рядового Хассемера из Восьмого армейского корпуса.)

"В ночь с 18 на 19 августа деревня Сен-Морис была наказана за стрельбу по немецким солдатам тем, что была сожжена дотла немецкими войсками (двумя полками, 12-м ландвером и 17-м). Деревня была окружена, люди расставлены примерно в ярде друг от друга, чтобы никто не мог выбраться. Тогда уланы подожгли ее, дом за домом. Ни мужчина, ни женщина, ни ребенок не смогли спастись; была унесена только большая часть живности, поскольку ее можно было использовать. Любой, кто осмеливался выйти, был застрелен. Все жители, оставшиеся в деревне, были сожжены вместе с домами". (Из дневника рядового Карла Шойфеле из Третьего баварского пехотного полка ландвера.)

"В 10 часов вечера первый батальон 178-го полка спустился по крутому склону в горящую деревню к северу от Динана. Потрясающее зрелище жуткой красоты. У входа в деревню лежало около пятидесяти мертвых мирных жителей, расстрелянных за то, что обстреляли наши войска из засады. В течение ночи были застрелены и многие другие, так что мы насчитали более 200 человек. Женщины и дети с лампами в руках были вынуждены наблюдать за ужасной сценой. Позже мы поели риса среди трупов, потому что с утра у нас ничего не было. Обыскав дома, мы нашли много вина и спиртных напитков, но ничего съестного. Капитан Хаманн был пьян". (Эта последняя фраза сокращена.) (Из дневника рядового Филиппа из сто Семьдесят восьмого пехотного полка Двенадцатого армейского корпуса.)

"6 августа пересекли границу. Жители на границе очень добры к нам и многое нам дают. Разницы не заметно.

". 23 августа, воскресенье (между Бирналом и Динантом, деревня Дисонг). В 11 часов поступает приказ наступать после того, как артиллерия тщательно подготовит местность впереди. Пионеры и 178-й пехотный полк маршировали перед нами. Возле небольшой деревни последние были обстреляны жителями. Около 220 жителей были расстреляны, а деревня сожжена — артиллерия ведет непрерывную стрельбу — деревня находится в большом овраге. Только что, в 6 часов пополудни, недалеко от Динана начинается переправа через Маас * * * В течение этой ночи все деревни, замки и дома сожжены дотла. Это было прекрасное зрелище - видеть вдали огни вокруг нас.

"24 августа. В каждой деревне находишь только груды развалин и множество мертвых. (Из дневника Матберна, Четвертой роты одиннадцатого егерского батальона, Марбург.)

"Снаряд разорвался недалеко от 11-й роты и ранил семерых человек, троих очень тяжело. В 5 часов офицер, командовавший полком, приказал нам расстрелять всех жителей мужского пола Номени, потому что население глупо пыталось остановить продвижение немецких войск силой оружия. Мы врываются в дома и хватали всех, кто сопротивлялся, чтобы казнить их в соответствии с военным положением. Дома, которые еще не были разрушены французской артиллерией, и наши собственные были подожжены нами, так что почти весь город превратился в пепелище. Это ужасное зрелище, когда беспомощных женщин и детей, совершеннообездоленных, собирают вместе и везут во Францию". (Из дневника рядового Фишера, Восьмой Баварский пехотный полк Тридцать третьей резервной дивизии.)

Мы рады видеть, что и другие немецкие солдаты демонстрируют свой ужас перед этими мерзкими деяниями.

"Жители деревни разбежались. Это было ужасно. У всех на бородах была запекшаяся кровь, и на те лица, которые можно было увидеть, было страшно смотреть! Мертвые, всего шестьдесят человек, были немедленно похоронены. Среди них было много старых женщин, несколько стариков и женщина, наполовину родившая, на которую страшно было смотреть; трое детей обнялись и умерли так. Алтарь и своды церкви разрушены. У них там был телефон для связи с врагом. Этим утром, 2 сентября, все выжившие были изгнаны, и я увидел, как четверо маленьких мальчиков несли на двух палках колыбель с младенцем пяти или шести месяцев от роду. На все это было страшно смотреть. Выстрел за выстрелом! Удар молнии за ударом молнии! Все отдано на разграбление; домашняя птица и все остальное перебито. Я тоже видел мать с двумя ее детьми; у одного была большая рана на голове, и он потерял глаз. (Из дневника младшего капрала Пауля Шпильмана из эрзац-Первой гвардейской пехотной бригады.)

* * * Ночью жители Льежа взбунтовались. Сорок человек были расстреляны, 15 домов разрушены, 10 солдат расстреляны. Здешние виды заставляют вас плакать.

"23 августа все стихло. Жители пока сдались. Семьдесят студентов были расстреляны, 200 взяты в плен. Жители возвращаются в Льеж.

"24 августа. В полдень 36 человек на карауле. Караул - 1, мне не выделен пост. Наше занятие, помимо купания, - это еда и питье. В Бельгии мы живем как Боги". (Из дневника Дж. ван дер Шут, резервист Десятой роты Тридцать девятого резервного пехотного полка Седьмого резервного армейского корпуса.)

"17 августа. Во второй половине дня я осмотрел маленький замок, принадлежащий одному из секретарей короля (его нет дома). Наши люди вели себя как обычные вандалы. Сначала они разграбили подвал, а затем обратили свое внимание на спальни и разбросали повсюду вещи. Они даже предприняли бесплодные попытки взломать сейф. Все было перевернуто вверх дном — великолепная мебель, шелк и даже фарфор. Вот что происходит, когда мужчинам разрешают реквизировать для себя. Я уверен, что они, должно быть, забрали кучу бесполезного хлама просто ради удовольствия пограбить".

"Августа. 23-го числа. * * * Наши люди вернулись и сказали, что в том месте, где долина соединяется с Маасом, мы не могли двигаться дальше, так как жители деревни стреляли в нас из каждого дома. Мы расстреляли всю партию — 16 человек. Они были выстроены в три шеренги; один и тот же выстрел делался по трое за раз.

"* * * Мужчины уже проявили свои звериные инстинкты; * * *

"Вид тел всех расстрелянных жителей был неопишум. Каждый дом во всей деревне был разрушен. Мы вытаскивали жителей деревни одного за другим из самых неожиданных уголков. Мужчины были расстреляны так же, как женщины и дети, находившиеся в монастыре, поскольку стреляли из окон монастыря; а потом мы сожгли его.

"Жители могли бы избежать наказания, выдав виновных и заплатив 15 000 франков.

"Жители снова открыли огонь по нашим людям. Дивизия предприняла решительные шаги, чтобы остановить сожжение деревень и расстрел жителей. Однако симпатичная маленькая деревушка Ге д'Оссус, по-видимому, была подожжена без причины. Велосипедист упал со своей машины, и его винтовка выстрелила. Он сразу сказал, что в него стреляли. Все жители были сожжены в домах. Я надеюсь, что больше таких ужасов не будет.

"В Леппе было расстреляно, по-видимому, 200 человек. Среди них, должно быть, были невинные люди. В будущем нам придется провести расследование их вины вместо того, чтобы расстреливать их.

"Вечером мы отправились маршем в Мобер-Фонтен. Как раз в тот момент, когда мы ели, прозвучал сигнал тревоги — все очень нервничали.

"3 сентября. Все еще в Ретеле, охраняет заключенных. * * * Дома внутри очаровательны. У среднего класса во Франции великолепная мебель. Повсюду мы находили стильные вещи и красивый шелк, но в каком состоянии * * * Боже милостивый! * * * Каждая деталь мебели сломана, зеркала разбиты. Сами вандалы не могли нанести большего ущерба. Это место позорит нашу армию. Бежавшие жители, конечно, не могли ожидать, что все их имущество останется нетронутым после того, как прошло столько войск. Но командиры колонн несут ответственность за большую часть ущерба, поскольку они могли бы предотвратить мародерство и разрушения. Ущерб исчисляется миллионами марок; даже сейфы подверглись нападению.

"В доме поверенного, в котором, как назло, все было выдержано в превосходном вкусе, включая коллекцию старинных кружев и восточных произведений искусства, все было разбито вдребезги.

"Я не мог удержаться, чтобы не прихватить с собой кое-что на память. * * * Один дом был особенно элегантным, все выполнено с наилучшим вкусом. Холл был из светлого дуба; я нашел под лестницей великолепный плащ и фотоаппарат для Феликса". (Из дневника офицера сто семьдесят восьмого полка Двенадцатого Саксонского корпуса.)

Но этот ужас, по-видимому, не разделялся немецким главнокомандующим, как видно из следующего:

-ПРИКАЗЫВАЙ.

"Народу Льежа.

"Население Анденны, продемонстрировав мирные намерения по отношению к нашим войскам, напало на них самым вероломным образом. С моего разрешения генерал, командующий этими войсками, превратил город в пепелище и расстрелял 110 человек.

"Я довожу этот факт до сведения жителей Льежа, чтобы они знали, какая судьба их ожидает, если они займут подобную позицию.

"Льеж, 22 августа 1914 года.

"General von Bülow."

Следующий "Порядок дня" показывает, как город Хай избежал подобной участи. Пьяные немецкие солдаты испугались и начали стрелять в людей и жечь дома. Командир осудил это, потому что это было сделано не по его приказу и потому что двое немецких солдат были ранены. Очевидно, что массовые убийства и поджоги допускались только по приказу офицеров.

"Прошлой ночью произошла перестрелка. Нет никаких свидетельств того, что у жителей городов в домах было какое-либо оружие, как нет и свидетельств того, что люди принимали участие в стрельбе; напротив, создается впечатление, что солдаты находились под воздействием алкоголя и начали стрелять в бессмысленном страхе перед вражеским нападением.

"Поведение солдат ночью, за очень немногими исключениями, производит скандальное впечатление.

"Крайне прискорбно, когда офицеры или унтер-офицеры поджигают дома без разрешения или приказа командования или, в зависимости от обстоятельств, старшего офицера, или когда своим поведением они поощряют рядовых к поджогам и грабежам.

"Я требую, чтобы повсюду были даны строгие инструкции относительно обращения с жизнью и имуществом гражданского населения.

"Я запрещаю любую стрельбу в городах без приказа офицера.

"Жалкое поведение солдат привело к тому, что унтер-офицер и рядовой были серьезно ранены немецкими пулями.

- Командующий офицер,
майор фон Бассевиц.

В своем докладе государственному секретарю от 12 сентября 1917 года министр Уитлок может многое рассказать о политике устрашения. Следующие отрывки относятся к теме массовых убийств:

"Суммарные казни проводились [в Динанте] без малейшего подобия судебного решения. Имена и количество жертв неизвестны, но они должны быть многочисленными. Мне не удалось получить точных подробностей на этот счет, и количество бежавших неизвестно. Среди расстрелянных: г-н Дефуан, мэр Динанта; Сассерат, первый член городского совета; Ниммер, 70 лет; консул Аргентинской Республики Виктор Понселе, который был казнен в присутствии своей жены и семерых детей; Вассейге и двое его сыновей; господ. Гюстав и

Леон Никез, двое очень старых мужчин; Жюль Монин и другие были застрелены в подвале своей пивоварни. Г-н Камиль Пистте с сыном, 17 лет; Филиппарт, Пьедфорт, его жена и дочь; мисс Марсиньи. Во время казни около сорока жителей Динана немцы заставили жен немцев присутствовать при казни мужей. раньше осуждали их жен и детей. Таким образом, мадам Альбен, которая только что родила ребенка тремя днями ранее, была принесена немецкими солдатами на матрасе, чтобы стать свидетельницей казни ее мужа; ее крики и мольбы были такими настойчивыми, что жизнь ее мужа была сохранена".

"26 августа немецкие солдаты вошли на различные улицы [Лувена] и приказали жителям домов проследовать на Вокзальную площадь, где лежали тела почти дюжины убитых. Женщин и детей отделили от мужчин и заставили оставаться на Вокзальной площади в течение всего дня. Им пришлось стать свидетелями казни многих своих сограждан, которые по большей части были расстреляны на краю площади, недалеко от дома мистера Хемайда. Женщинам и детям, пробывшим на площади более 15 часов, разрешили уйти. Гражданские гвардейцы Лувена также были взяты в плен и отправлены в Германию, в лагерь Мюнстер, где их продержали несколько недель.

"В четверг, 27 августа, жителям был отдан приказ покинуть Лувен, поскольку город должен был подвергнуться бомбардировке. Стариков, женщин, детей, больных, священников, монахинь гнали по дорогам, как скот. Более 10 000 жителей были изгнаны до самого Тирлемона, в 18 километрах от Лувена".

"Одной из наиболее испытанных общин была маленькая деревушка Тамин, расположенная в так называемом Бориначе, на угольных месторождениях близ Шарлеруа. Таминес - шахтерская деревня в Самбре; это совокупность небольших коттеджей, в которых проживает около 5000 жителей, в основном все бедные чернорабочие.

Массовые убийства в Тамине.

"Маленькое кладбище, на котором стоит церковь, является неммым свидетельством ужаса этого события. Здесь сотни свежевырытых могил, на каждой стоит маленький деревянный крест и немного цветов; кресты стоят так тесно, что между ними едва можно пройти. Кресты похожи, и на всех стоит одна и та же дата, зловещая дата 22 августа 1914 года".

"Но независимо от того, были ли им отрублены руки или нет, были ли они насажены на штыки или нет, дети были хладнокровно расстреляны по военному приказу. Во время ужасного преступления на скале Баярд, возвышающейся над Маасом ниже Динана, младенцы на руках у своих матерей были безжалостно расстреляны. Это деяние, никогда не превзойденное по жестокости ни одной бандой дикарей, описано самим епископом Намюрским:

Резня невинных в Роше Байярда.

"Одна сцена превосходит по ужасу все остальные; это стрельба из Роше Байярда близ Динана. Похоже, что она была заказана полковником Мейстером. Этот обстрел привел к многочисленным жертвам в близлежащих приходах, особенно в де Риваж и Неффе. В результате погибли почти 90 человек без различия возраста или пола. Среди жертв были младенцы на руках, мальчики и девочки, отцы и матери семейств, даже старики.

"Именно там 12 детей в возрасте до 6 лет погибли от огня палачей, 6 из них лежали на руках своих матерей:

"Ребенок Фиве, 3 недели от роду".

"Морис Бетан, 11 месяцев от роду.

"Нелли Полле, 11 месяцев от роду.

"Джильда Генон, 18 месяцев от роду.

"Джильда Маршо, 2 года от роду.

"Клара Струве, 2 года и 6 месяцев.

В гряде тел было также много детей в возрасте от 6 до 14 лет. Восемь многодетных семей полностью исчезли. В четырех выжил только один человек. Те мужчины, которые избежали смерти — и многие из которых были изрешечены пулями, — были вынуждены быстро и поспешно похоронить своих отцов, матерей, братьев или сестер; затем, после того как у них отобрали деньги и заковали в цепи, их отправили в Кассель [Пруссия]".

Мистер Хью Гибсон, секретарь нашего представительства в Бельгии, посетил Лувен во время его систематического разрушения немцами. В *Дневнике нашей миссии в Бельгии*, Нью-Йорк, 1917 г., стр. 164-165, он рассказывает, что сказали ему немецкие офицеры:

"Это была история зачистки большей части города от мирных жителей, систематического вытеснения людей из подвалов и чердаков, массовых расстрелов, щедрого использования пулеметов и бесплатного применения факела — всей этой истории было достаточно, чтобы заставить покраснеть любого. И для нашего руководства нам было внушено, что это заставит людей уважать Германию и дважды подумать, прежде чем сопротивляться ей".

Немецкие пасторы и профессора, далекие от возбуждения по поводу расстрелов, защищали эту политику устрашения, например:

Пастор защищает пугливость.

"Мы не только вынуждены принять войну, которая нам навязана * * *, но даже вынуждены вести эту войну с жестокостью, безжалостностью, применением всех мыслимых приемов, неизвестных ни в одной предыдущей войне". Пастор Д. Баумгартен, в *Deutsche Reden в schwerer Zeit*, "Немецкие речи в трудные дни".

"Судьба, которую Бельгия сама на себя обрекла, тяжела для отдельного человека, но не слишком тяжела для этой политической структуры (*Staatsgebilde*), ибо судьбы бессмертных великих наций стоят так высоко, что они не могут не иметь права, в случае необходимости, перешагнуть через существование, которое не может защитить себя, но живет, как паразиты, за счет соперничества великих". Профессор Х. Онкен, в *Süddeutsche Monatsheft*, "Южногерманский ежемесячник".

Осмелились бы они защищать такую политику, если бы могли увидеть объявление, разосланное приходом Святого Хаделина с его безмолвным красноречием?

Это приглашение на службу в память о 60 мужчинах и женщинах из одного прихода, из которых все, кроме двоих, были убиты немцами во время резни 5 и 6 августа 1914 года. Заключительные предложения таковы:

МОЛИТЕСЬ БОГУ ОБ УПОКОЕНИИ ИХ ДУШ.

Нежное сердце Марии, будь моим прибежищем.

Богоматерь Лурдская, помолись за нас.

Святой Иосиф, покровитель Бельгии, помолись за нас.

Святой Хаделин, покровитель прихода, помолись за нас.

Святая Барба, покровительница доброй смерти, помолись за нас.

После прочтения таких ужасных рассказов, многие из которых написаны немецкими очевидцами, и зная, что подобные истории широко публиковались в немецких газетах, трудно терпеливо читать такие слова, как эти:

"Немецкая армия (в которую я, конечно, включая военно-морской флот) сегодня является величайшим институтом нравственного воспитания в мире".

"Только немецкие солдаты полностью дисциплинированы и никогда не причинили ни малейшего вреда ни одному невинному человеческому существу". Хьюстон Стюарт Чемберлен, в *"Кригсауфсятце"*, "Очерки войны", 1914.

"Мы повсюду видим, как наши солдаты уважают священную беззащитность женщины и ребенка". Профессор Г. Роэте, в *Deutsche Reden in Schwerer Zeit*, "Немецкие речи в трудные дни".

II. ЗАЛОЖНИКИ И ЭКРАНЫ.

Массовые убийства, описанные выше, были частью немецкой системы устрашения. Другой особенностью этой системы было использование гражданских лиц в качестве заложников и экранов.

При обсуждении использования заложников в *Немецкой военной книге (Kriegsbrauch im Landkriege)* говорится:

Мнение немецкого Генерального штаба.

"Под заложниками понимаются те лица, которые в качестве обеспечения или залога за выполнение договоров, обещаний или других требований взяты или задержаны противостоящим государством или его армией. Их предоставление было менее обычным явлением в недавних войнах, в результате чего некоторые профессора международного права ошибочно решили, что захват заложников исчез из практики цивилизованных наций.

* * *

"Новое применение "права заложника" было применено немецким штабом во время войны 1870 года, когда он вынудил ведущих граждан из французских городов и деревень сопровождать поезда и локомотивы, чтобы защитить железнодорожные коммуникации, которым угрожали люди. Поскольку жизни мирных жителей были, без какой-либо вины с их стороны, подвергнуты серьезной опасности, каждый писатель за пределами Германии заклеил эту меру как противоречащую международному праву и неоправданную по отношению к жителям страны".

Хотя их действия во время франко-прусской войны были повсеместно осуждены, как они сами признавали, лидеры не собирались отказываться от такой полезной меры устрашения. В

"Военном расследовании" были предусмотрены формы для таких действий в следующей войне. Как в Бельгии, так и во Франции немцы постоянно использовали заложников. Доказательства содержатся в прокламациях руководящих органов, а также в дневниках немецких солдат. Несколько примеров из них проиллюстрируют систему, которая была использована.

Примером произвола и жестокости является прокламация майора. Дикманн, из которой представлены следующие разделы:

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ МАЙОРА Дж. DIECKMANN, SEPTEMBER, 1914.

"4. После 9 часов утра 7 сентября я разрешаю заселять дома в Бейн-Юзе, Гривеньи и Буа-де-Бре лицам, которые жили в них ранее, при условии, что этим лицам не запрещено посещать эти населенные пункты официальным запретом.

Майор. Дикман захватывает заложников.

"5. Чтобы быть уверенным, что вышеупомянутым разрешением не злоупотребят, бургомистры Бейне-Хойсе и Гривеньи должны немедленно подготовить списки выдающихся личностей, которые будут содержаться в качестве заложников в течение 24 часов каждый в форте Флерон. 6 сентября 1914 года, впервые [срок содержания под стражей будет] с 18 часов вечера до полудня 7 сентября.

"Жизнь этих заложников зависит от того, сохранит ли население вышеупомянутых коммун спокойствие при любых обстоятельствах.

"В ночное время категорически запрещается подавать какие-либо световые сигналы. Прокат велосипедов разрешен только с 7 утра до 17 вечера (по немецкому времени).

"6. Из представленного мне списка я назначу видных лиц, которые будут находиться в заложниках с полудня одного дня до полудня следующего. Если замена не явится вовремя, заложник должен оставаться в форте еще 24 часа. По истечении этих 24 часов заложнику грозит смертная казнь, если замена не явится.

"7. Священники, бургомистры и другие члены Совета должны быть взяты в первую очередь в качестве заложников.

"8. Я настаиваю, чтобы все гражданские лица, которые передвигаются по моему району, * * * проявили свое уважение к немецким офицерам, сняв шляпы или подняв руки к голове в военном приветствии. В случае сомнений каждому немецкому солдату должно быть отдано честь. Любой, кто этого не делает, должен ожидать, что немецкие военные добьются уважения всеми средствами".

ВОЗЗВАНИЕ ФОН БЮЛОВА. В НАМЮРЕ, АВГУСТ 1914 года.

"1. Бельгийские и французские солдаты должны быть доставлены как военнопленные до 4 часов ко входу в тюрьму. Граждане, которые не подчинятся, будут пожизненно приговорены к каторжным работам в Германии.

"Тщательный осмотр домов начнется в 4 часа. Каждый найденный солдат будет немедленно расстрелян.

2. Оружие, порох и динамит должны быть сданы в 4 часа. Наказание - расстрел.

"Граждане, которым известно о наличии вышеуказанного магазина, должны сообщить об этом бургомистру под страхом пожизненного каторжного труда.

Фон Бюлов берет заложников на каждой улице.

"3. Каждая улица будет занята немецкой охраной, которая возьмет по десять заложников с каждой улицы, которых они будут держать под наблюдением. Если на улице начнется какое-либо восстание, десять заложников будут расстреляны.

"4. Двери не должны быть заперты, а ночью после 8 часов в трех окнах каждого дома должен гореть свет.

"5. Запрещается находиться на улице после 8 часов. Жители Намюра должны понять, что нет большего и ужаснее преступления, чем поставить под угрозу существование города и жизнь его граждан, подняв восстание против немецкой армии.

"Комендант города
фон Бюлов.

"Намюр, 25 августа 1914 года. (Напечатано Шантрэн)".

ПРОКЛАМАЦИЯ, РАЗМЕЩЕННАЯ В БРЮССЕЛЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ, 5 октября 1914г.

"25 сентября вечером были разрушены железнодорожное полотно и телеграф на линии Ловенджуль-Вертрик. * * *

Заложники становятся ответственными за железные дороги.

"Отныне деревни, расположенные ближе всего к месту, где происходят подобные события — не имеет значения, виновны они или нет - будут наказаны без пощады. С этой целью были взяты заложники из всех мест вблизи железных дорог, где существует опасность подобных нападений; и при первой попытке разрушить какую-либо железную дорогу, телеграф или телефонную линию они будут немедленно расстреляны.

Кроме того, все войска, которым поручено охранять железные дороги, получили приказ стрелять в любого, кто подозрительным образом приближается к железным дорогам, телеграфным или телефонным линиям.

"Генерал-губернатор Бельгии,

"Baron von der Goltz,

"*Field-Marshal.*"

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ РЕЙМСА.

"В целях надлежащего обеспечения безопасности наших войск и спокойствия населения Реймса упомянутые лица были захвачены в качестве заложников командующим немецкой

армией. Эти заложники будут расстреляны, если возникнут малейшие беспорядки. С другой стороны, если город останется совершенно спокойным, эти заложники и жители будут переданы под защиту немецкой армии.

- Генерал, командующий.

"Реймс, 12 сентября 1914 года".

Более 80 заложников в Реймсе.

Под этим заявлением были вывешены имена 81 заложника и заявление о том, что другие также были захвачены в качестве заложников. Жизни всех этих людей в действительности зависели от толкования, которое немецкие военные власти могли бы дать эластичной фразе "наименьший беспорядок" в прокламации.

Хью Гибсон в *Дневнике нашей миссии в Бельгии*, стр. 184, объясняет, что могло произойти:

Другое дело, что при въезде в город они удерживают бургомистра, королевского прокурора и другие органы власти в качестве заложников, чтобы обеспечить хорошее поведение населения. Конечно, классу хулиганов ничего так не хотелось бы, как видеть, как их естественные враги, защитники закона и порядка, позорно расстреливаются, и они ни капельки не сдерживают себя из-за заложников".

ВЫПИСКА ИЗ ДНЕВНИКА БОМБАРДИРА ВЕТЦЕЛЯ.

"8 августа. Первый бой и поджог несколько деревень.

"9 августа. Вернулись в старые кварталы; там мы обыскали все дома, застрелили мэра и застрелили одного человека из каминной трубы, а затем снова подожгли деревню.

"18 августа Леталь (?) захватил в плен 10 человек с тремя священниками, потому что они стреляли с церковной башни. Их привезли в деревню Сент. Мари.

Заложники в Виллекаме.

"5 октября. Вечером мы были на квартирах в Виллекаме. Лейтенант. Рэдфелс был расквартирован в доме мэра, и там держали двух заключенных (связанных вместе) на коротком кнуте, и в случае чего они должны были быть убиты.

"11 октября. У нас не было боя, но мы поймали около 20 человек и расстреляли их". (Из дневника бомбардира Ветцеля, Вторая конная батарея, Первая Кургессенская полевая артиллерия, 11-й полк.)

Немцы также во многих случаях считали удобным обеспечивать безопасность гражданских лиц, как мужчин, так и женщин, которых можно было заставить маршировать или стоять перед войсками, так что соотечественники гражданских лиц были бы вынуждены сначала убивать своих соплеменников, если бы те оказали сопротивление немцам. Это использование проиллюстрировано следующим образом:

ПИСЬМО ЛЕЙТЕНАНТА. EBERLEIN.

"7 октября 1914 года.

Гражданские лица использовались в качестве ширм.

"Но мы арестовали трех других гражданских, и тогда мне в голову пришла блестящая идея. Мы дали им стулья, а затем приказали им выйти и сесть посреди улицы. С их стороны - жалкие мольбы; с нашей - несколько ударов прикладом винтовки. Мало-помалу человек становится ужасно черствым в этом деле. Наконец все они уселись на улице. Я не знаю, какие мучительные молитвы они могли произносить, но я заметил, что их руки все это время были судорожно сжаты. Мне было жаль этих ребят, но метод сразу же подействовал.

"Фланговый огонь из домов быстро ослаб, так что мы смогли занять дом напротив и, таким образом, господствовать над главной улицей. Каждое живое существо, показавшееся на улице, было расстреляно. Артиллерия со своей стороны все это время хорошо поработала, и когда около 7 часов вечера бригада двинулась в атаку, чтобы сменить нас, я был в состоянии доложить, что Сен-Дье очищен от противника.

Позже я узнал, что резервный полк, вошедший в Сен-Дье севернее, попробовал провести тот же эксперимент. Четверо мирных жителей, которых они таким же образом заставили отсидеться на улице, были убиты французскими пулями. Я сам видел, как они лежали посреди улицы возле больницы".

"A. Eberlein,
"First-Lieutenant."

Письмо опубликовано 7 октября 1914 г. в газете "Ворабендблатт" *Мюнхенской новой газеты*.

Министр Уитлок в своем докладе государственному секретарю от 12 сентября 1917 года приводит пример такой немецкой практики обращения за защитой.

"Никакого уважения к сутане".

"Немцы атаковали Хугерде 18 августа; бельгийские войска удерживали мост Гетте в деревне. Немцы заставили приходского священника Аутгардена идти перед ними в качестве щита. Когда они приблизились к баррикаде, бельгийские солдаты открыли огонь, и священник был убит. После отступления бельгийцев немцы расстреляли 4 человек, сожгли 50 домов и разграбили 100".

Хью Гибсон в *Дневнике нашей миссии в Бельгии*, стр. 155, приводит другой случай:

"Два старых священника, пошатываясь, вошли в посольство скорее мертвыми, чем живыми после того, как были вынуждены пройти несколько миль впереди немецких войск в качестве своего рода защитного экрана. Один из них болен, и говорят, что он может умереть в результате того, через что ему пришлось пройти".

ЗАЯВЛЕНИЯ КАРДИНАЛА МЕРСЬЕ И ЕГО КОЛЛЕГ-ЕПИСКОПОВ.

"Во время вторжения бельгийское гражданское население в двадцати местах было вынуждено участвовать в военных действиях против своей собственной страны. В Термонде, Леббеке, Динане и во многих других местах миролюбивых граждан, женщин и детей заставляли маршировать перед немецкими полками или создавать перед ними заслон.

Суждение кардинала Мерсье о системе заложников.

"Система заложников осуществлялась с особой жестокостью. В прокламации от 4 августа, процитированной выше, без обиняков говорилось: "Заложники будут взяты свободно".

Официальное воззвание, вывешенное в Льеже в первые дни августа, гласило следующее: "Любая агрессия, совершенная против немецких войск любыми лицами, кроме солдат в военной форме, не только подвергает виновного немедленному расстрелу, но также повлечет за собой самые суровые репрессии против всех жителей, и особенно против тех уроженцев Льежа, которые были задержаны в качестве заложников в цитадели Льеж командующим немецкими войсками".

"Эти заложники - монсеньор Руттен, епископ Льежский; месье Клейер, бургомистр Льежа; сенаторы, представители и постоянный депутат и шериф Льежа".

Приведенная выше цитата взята из *Обращения к истине*, адресованного 24 ноября 1915 г. кардиналом Мерсье и другими епископами Бельгии кардиналам, архиепископам и епископам Германии и Австро-Венгрии.

Уилл Ирвин о жестокости немецкой езды по Бельгии.

"Около десяти или дюжины американских корреспондентов, одним из которых был я, были свидетелями первого немецкого проезда через Бельгию. Большинство из нас были настолько потрясены увиденным, что на всю жизнь стали антигерманцами". Уилл Ирвин, в *Saturday Evening Post*, 6 октября 1917 г., стр. 41.

III. ШТРАФЫ.

Договаривающиеся страны, включая Германию, подписавшие Конвенции Второй мирной конференции в Гааге 1907 года, обязались в следующем:

Обещания Германии, закрепленные в Гаагских конвенциях.

"Статья I. Никакое общее наказание, денежное или иное, не должно налагаться на население в связи с действиями отдельных лиц, за которые они не могут рассматриваться как несущие солидарную ответственность".

Статья II. От муниципалитетов или жителей не должны требоваться реквизиции натурой и услуги, за исключением действий оккупационной армии. Они должны быть пропорциональны ресурсам страны и такого характера, чтобы не вовлекать жителей в обязательство принимать участие в военных операциях против их собственной страны".

Нарушения Германией Гаагских конвенций.

Немецкие власти нарушали эти статьи с самого начала. Как только они вторглись в Бельгию, на отдельные общины были наложены крупные штрафы в качестве возмездия за какие-то действия против немецкой армии или ее уставов, совершенные в пределах их границ. В *Обращении к истине* кардинал Мерсье приводит следующие случаи:

"Малин, рабочий город, лишенный средств, был оштрафован на сумму 20 000 марок за то, что бургомистр не сообщил военным властям о путешествии, которое кардинал, лишенный возможности пользоваться своим автомобилем, был вынужден совершить пешком. На самом деле, под самыми надуманными предложениями на коммуны налагаются большие штрафы. Коммуна Пуэр была оштрафована на 3000 марок за обрыв телеграфного провода, хотя расследование показало, что он сломался из-за износа".

В дополнение к таким произвольным, спорадическим поборам, в декабре 1914 года немцы потребовали, чтобы бельгийские провинции совместно выплачивали 40 000 000 франков (8 000 000 долларов) в месяц.

По поводу этого огромного навязывания кардинал Мерсье говорит в *Обращении к истине*:

"Существенным условием законности вклада такого рода, согласно Гаагской конвенции, является то, что он должен иметь *отношение к ресурсам страны*, статья 52.

Комментарии кардинала Мерсье.

"Теперь, в декабре 1914 года, Бельгия была опустошена. Военные контрибуции, наложенные на города, и бесчисленные поборы натурой истощили ее. Большая часть фабрик бездействовала, а на тех, которые все еще работали, сырье, вопреки всем законам, свободно реквизировалось.

"Именно на эту обедневшую Бельгию, живущую за счет иностранной благотворительности, был наложен взнос в размере почти 500 000 000 франков".

Увеличивается мелкость дробления.

Немецкие власти не были удовлетворены этим обнищавшим сбором. В ноябре 1915 года, за месяц до истечения двенадцатимесячного срока, установленного для сбора, они постановили, что этот взнос в размере 40 000 000 франков в месяц должен выплачиваться в течение неопределенного периода. В ноябре 1916 года они увеличили налог до 50 000 000 франков в месяц, в мае 1917 года - до 60 000 000 франков в месяц. Кроме того, немецкие власти продолжали налагать штрафы на города и деревни за действия, совершенные в их окрестностях, хотя у них не было доказательств того, что эти действия были совершены кем-либо из оштрафованных таким образом жителей города или деревни. (Сравните с захватом заложников, отмеченным выше.)

Немецкие военные правители также возложили на семьи ответственность за действия, совершенные членами семьи или выдвинутые против них обвинения, как показано в следующих примерах, которые цитируются из *Обращения к истине*, приведенного выше.

Ответственность возлагается на семью.

"Бельгийское правительство разослало приказы о возвращении в армию ополченцам нескольких классов. * * * Всем тем, кто получает эти приказы, строго запрещено действовать в соответствии с ними. * * * *В случае неповиновения семья ополченца будет привлечена к равной ответственности.*"

"Предупреждение генерал-губернатора от 26 января 1915 года возлагает на *членов семьи* ответственность, если бельгиец, годный к военной службе, в возрасте от 16 до 40 лет отправится в Голландию".

Главнокомандующий немецкой армией в Бельгии опубликовал прокламацию, в которой говорилось:

Деревни привлечены к ответственности.

"Деревни, жители которых будут совершать враждебные действия против наших войск, *будут сожжены*."

"Ответственность за все разрушения автомобильных и железных дорог, мостов и т.д. будут нести *деревни по соседству с местом разрушения*".

"Объявленные выше наказания будут осуществляться сурово и без пощады.

Ответственность будет возложена на все сообщество. Заложники будут захвачены в большом количестве. Будут взиматься самые тяжелые военные налоги".

В конце *Обращения к истине* кардинал Мерсье говорит:

"Но мы не можем ни сказать здесь все, ни процитировать все."

У кардинала Мерсье есть доказательства.

"Если, однако, наши читатели пожелают получить доказательства обвинений * * *, мы будем рады предоставить их. Ни в нашем письме, ни в четырех приложениях [*Апелляции к истине*] нет ни одного утверждения, доказательств которого у нас нет в наших записях".

Яркая иллюстрация немецких методов содержится в архивах Государственного департамента, поскольку принц Монако обратился к президенту Вильсону с жалобой на несправедливость штрафа, наложенного на маленькую и бедную деревню. Следующие документы из архивов Государственного департамента рассказывают эту историю. Они не нуждаются в комментариях.

Париж, 27 октября 1914 г..

Государственный секретарь,
"Вашингтон."

"Принц Монако позвонил сегодня утром и попросил передать президенту следующее дело:
Случай с Сиссонне."

"Принц заявляет, что генерал фон Бюлов в течение нескольких недель проживал в родовом замке принца близ Реймса, историческом памятнике, содержащем произведения искусства и семейные реликвии; что фон Бюлов наложил штраф в размере пятисот тысяч франков на деревню Сиссон, расположенную в нескольких милях от замка, из-за битого стекла, найденного на дороге возле деревни. Сиссонне, будучи не в состоянии заплатить в одиночку, собрал с рядом других соседних деревень сто двадцать пять тысяч франков, но фон Бюлов отправил двух гонцов из Сиссона к принцу, что, если тот не заплатит штраф за Сиссонне, замок и прилегающая деревня, а также Сиссонне будут разрушены первого ноября. Принц ответил отказом выплатить сумму сейчас, но готов дать слово германскому императору, что сумма будет выплачена после устранения опасности новых военных

инцидентов. Принц теперь опасается, как бы вернувшиеся гонцы, а также мужчины, работающие в его поместье, не были расстреляны из-за отказа платить.

"Я договорился о встрече сегодня днем между послом Испании и принцем, которому я предложил передать этот вопрос правительству Германии через посла Испании в Берлине, поскольку собственность принца, находящаяся под угрозой, находится во Франции.

"Херрик".

"Штаб армии,

"Вармеривиль, 19 сентября 1914 г..

"Мэру коммуны Сиссон,

"Сиссон.

Von Bülow's levy on Sissonne.

"Было окончательно доказано, что 18 сентября дорога между Сиссоном и железнодорожной станцией Монтегю была усыпана битым стеклом на расстоянии одного километра с интервалом в 50 метров с целью, без сомнения, затруднения автомобильного движения.

"Я возлагаю на коммуну Сиссон ответственность за этот акт враждебности со стороны ее жителей и наказываю указанную коммуну, взимая с нее контрибуцию в размере 500 000 франков (пятьсот тысяч франков).

"Эта сумма должна быть полностью внесена в Казну Этапа до 15 октября.

"Инспекция этапа, которая сейчас проводится в Монкорне, была направлена на обеспечение исполнения этого приказа.

- Главнокомандующий Сухопутными войсками.

"Von Bülow."

ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ ГЕРМАНСКОМУ ИМПЕРАТОРУ.

"Монако, 22 октября 1914 г..

"Сир:

"Я направляю Вашему Величеству несколько документов, относящихся к очень серьезному и неотложному делу.

Принц Монако пишет императору Вильгельму.

"Генерал фон Бюлов уже полтора месяца оккупирует мою резиденцию Марше, расположенную в пяти километрах от деревни Сиссон. Генерал обложил полторы тысячи жителей этой бедной разрушенной деревни военной контрибуцией в размере пятисот тысяч франков, из которых они не в состоянии выплатить более четверти. Более того, он направил ко мне двух эмиссаров с документом, в котором угрожает уничтожить мою

собственность и деревню Марше, помимо деревни Сиссон, в случае, если я не выплачу себе указанную сумму до конца октября.

"Вот как прусский генерал обращается с правящим принцем, который в течение 45 лет был другом Германии и которого во всех странах мира окружают уважением и благодарностью за его работу.

"В ответ на вызов генерала фон Бюлова я дал свое честное слово завершить вышеупомнутый взнос, чтобы предотвратить ужасную акцию, хладнокровно совершенную, но добавляю, что как суверенный принц я передаю этот вопрос на рассмотрение императора, заявляя, что указанная сумма будет выплачена, когда замок Марше будет избавлен от опасности преднамеренного разрушения.

"Я, с большим уважением, преданный слуга и кузен Вашего величества,

- Альбер, *принц Монако*.

ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ ГЕНЕРАЛУ. VON BÜLOW.

"Монако, 22 октября 1914 г."

Генерал:

"Чтобы отвратить от коммуны Сиссон и коммуны Марше суровое обращение, которым вы им угрожали, я даю слово чести перечислить Его Величеству императору Вильгельму, если война закончится без причинения преднамеренного ущерба моей резиденции или этим двум коммуна, необходимую сумму, чтобы дополнить сумму в пятьсот тысяч франков, наложенную вами на Сиссон.

"Как Суверенный принц, я хочу разобраться в этом вопросе с Сувереном, который в течение пятнадцати лет называл меня своим другом и наградил меня орденом рыцаря Черного Орла.

Принц комментирует отношение немцев к памятникам.

"Моя совесть и мое достоинство ставят меня выше страха, равно как и моя личная воля вознесет меня над сожалениями; но если вы разрушите замок Марше, который является одним из центров всемирной науки и благотворительности, если вы оставите за этой археологической и исторической жемчужиной то же отношение, которое вы проявили к Реймскому собору, — если там не было совершено никаких предосудительных действий, — весь мир будет судить между вами и мной.

"Выражаю Вашему Превосходительству свое высокое уважение.

- Альбер, *суверенный принц Монако*.

IV. ДЕПОРТАЦИИ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД.

Прогресс человечества — до августа 1914 года.

До нынешней войны весь цивилизованный мир хвастался своим прогрессом в человечестве. Этот прогресс был отмечен во многих областях, и ни в одной из них не был достигнут больший прогресс, чем в защите частного лица в захваченной стране. Еще в 1863 году в *Инструкциях для правительства вооруженных Сил Соединенных Штатов на местах* Соединенные Штаты заявляли:

Обращение Соединенных Штатов с гражданскими лицами, 1863 год.

"22. Тем не менее, по мере того, как цивилизация развивалась в течение последних столетий, столь же неуклонно развивалось, особенно в войне на суше, различие между частным лицом, принадлежащим к враждебной стране, и самой враждебной страной с ее вооруженными людьми. Все более и более признается принцип, согласно которому невооруженный гражданин должен быть пощажён лично, с сохранением имущества и чести настолько, насколько это допускают условия войны.

"23. Частных граждан больше не убивают, не обращают в рабство и не уводят в отдаленные районы, а безобидного индивидуума так же мало беспокоят в его личных отношениях, как командующий враждебными войсками может позволить себе удовлетворить непреодолимые требования ожесточенной войны.

"24. Почти всеобщим правилом в отдаленные времена было и продолжает оставаться в армиях варваров, что частное лицо враждебной страны обречено страдать от любого лишения свободы и защиты, а также от любого разрыва семейных уз. Защита была и остается для нецивилизованных людей исключением".

Возвращение германского правительства к варварству.

Эти заявления были сделаны в разгар нашей Гражданской войны — одного из самых ожесточенных конфликтов в мире. Полвека спустя, после более чем 50-летнего прогресса, немецкое правительство вернулось к методам, используемым "варварскими армиями" и "нецивилизованными людьми". Оно сознательно взяло на вооружение политику депортации мужчин и женщин, мальчиков и девочек и принуждения их работать на своих похитителей; оно даже вынудило их производить оружие и амуницию для использования против своих союзников и своей собственной плоти и крови.

Ни одно другое действие правительства Германии не вызывало такого ужаса и отвращения во всем цивилизованном мире. Тысячи беспомощных мужчин и женщин, мальчиков и девочек были порабощены. Семьи были распущены. Девочек увозили на работу — или того хуже — в чужую страну, и их родственники не знали, куда их увезли и какова была их судьба.

Эта система принудительного труда и депортации охватила всю Бельгию, Польшу и оккупированные земли Франции.

План изложения основных фактов депортаций и принудительного труда следующий: документам, то есть небольшой части тех, которые можно было бы процитировать, будет позволено рассказать историю, и будут добавлены только такие комментарии, которые необходимы, чтобы читатель мог легко уловить связь событий.

Бельгия.

"Депортации * * * были самым ярким, шокирующим, убедительным единичным событием за все наши вынужденные наблюдения и опыт пренебрежения немцами человеческих страданий и прав человека в Бельгии". Вернон Келлог, в *"Atlantic Monthly"*, октябрь 1917 г.

Краткое описание всей ситуации вплоть до января 1917 года можно получить, непрерывно читая отчет министра Уитлока, взятый из архивов Государственного департамента, который выделен курсивом на страницах 48-49, 53, 54-55, 67-68, 74-75, 78. Включение его доклада в соответствующие разделы позволило избежать повторений практически до минимума.

"Посольство Соединенных Штатов Америки,
"Брюссель, 16 января 1917 г..

"Достопочтенному Государственному секретарю,
"Вашингтон.

Ужасающее поведение немцев в Бельгии.

"Сэр: С тех пор, как немцы начали депортировать бельгийских рабочих в начале ноября, я имел в виду и, могу сказать, по совести, подготовить для Министерства подробный отчет об этом последнем случае жестокости, но было так много препятствий на пути получения доказательств, на которых можно было бы основать спокойное и рассудительное мнение, и человек настолько потрясен ужасом самого происшествия, что было и даже сейчас трудно писать об этом спокойно и справедливо. Мне приходилось довольствоваться отрывочными сообщениями, которые я время от времени отправлял в Департамент, и делать все, что в моих силах, как бы мало это ни было, чтобы облегчить страдания, которые эта беспричинная жестокость причинила населению этой несчастной страны.

Бельгийское правительство хотело поддержать безработных бельгийцев.

"Для того, чтобы полностью понять ситуацию, необходимо вернуться к осени 1914 года. В то время, когда мы организовывали работу по оказанию помощи, Национальный комитет — бельгийская организация помощи, которая сотрудничает с Комиссией по оказанию помощи в Бельгии — предложил механизм, по которому бельгийское правительство должно выплачивать своим собственным сотрудникам, оставшимся в Бельгии, и другим безработным мужчинам, кроме того, заработную плату, которую они привыкли получать. Бельгийцы хотели сделать это как в гуманитарных, так и в патриотических целях; они хотели обеспечить безработных средствами к существованию и, в то же время, помешать им работать на немцев. Я отказался быть каким-либо образом связанным с этим планом и сказал бельгийскому комитету, что он таит в себе множество возможных опасностей; что он не только сделает ставку на безделье, но и в конечном итоге приведет в ярость немцев. Однако эта политика была принята и продолжалась на практике, и в списках Национального комитета были занесены имена сотен тысяч — я полагаю, около 700 000 — праздных людей, получающих это пособие, распределяемое по коммуна.

Немецкая алчность взбудоражена.

"Однако присутствие этих безработных было постоянным искушением для немецкой алчности. Много раз они пытались получить списки шомеров, но всегда терпели неудачу из-за заявления о том, что в соответствии с гарантиями, охватывающими работу по оказанию помощи, документы Национального комитета и его различных подразделений были неприкосновенны. Вместо того, чтобы рисковать каким-либо прерыванием беспорядков, за которые немцы, не желая признавать никаких обязательств перед Америкой, всегда были благодарны, поскольку это помогало сохранять спокойствие населения, власти никогда не настаивали на этом, за исключением бургомистров коммун. В конце концов, однако, военная партия, всегда жестокая и с поразительным невежеством в отношении общественного мнения и моральных чувств, решила заставить этих праздных людей работать.

"Генерал фон Биссинг и гражданская часть его окружения всегда были и даже сейчас выступают против этой политики и, я думаю, искренне делали все, что могли, во-первых, чтобы предотвратить ее принятие, а во-вторых, облегчить суровость ее применения."

(Продолжение на стр. 53.)

В первые дни немецкого наступления на Бельгию люди научились опасаться худшего. Особенно это было верно в Антверпене. Чтобы развеять их опасения и получить гарантии, которые могли бы ускорить восстановление устоявшихся условий, кардинал Мерсье заручился обещаниями немецкого губернатора Антверпена и в циркулярном письме от 16 октября 1914 года попросил духовенство провинции Антверпен довести их до сведения народа:

Торжественные обещания немцев не эксплуатировать бельгийцев.

"Губернатор Антверпена барон фон Хойнинген, генерал фон Хьюне, уполномочил меня информировать вас от его имени и передать через вашего услужливого посредника нашему населению три следующих заявления:

"(1) Молодым людям не нужно бояться, что их увезут в Германию либо для зачисления в армию, либо для использования на принудительных работах.

"(2) В случае совершения отдельных нарушений полицейских правил власти будут разыскивать виновных и наказывать их, не возлагая ответственность на все население.

"(3) Власти Германии и Бельгии не будут пренебрегать ничем, чтобы обеспечить население продовольствием".

Эти обещания не были выполнены, о чем кардинал Мерсье и его коллеги свидетельствуют многочисленными доказательствами в *Обращении к истине*.

"23 марта на арсенале в Люттре немецкие власти разместили уведомление с требованием вернуться к работе. 21 апреля были вызваны 200 рабочих. 27 апреля солдаты забрали рабочих из их домов и отвезли их на арсенал. В отсутствие рабочего был арестован член семьи.

Нарушение немецких обещаний.

Однако мужчины настаивали на своем отказе работать, "потому что они не желали сотрудничать в военных действиях против своей страны".

"30 апреля реквизированных рабочих не отпустили, а заперли в железнодорожных вагонах.

"4 мая 24 рабочих, содержащихся в тюрьме в Нивеле, предстали перед военным трибуналом в Монсе "по обвинению в принадлежности к тайному обществу, целью которого было воспрепятствовать осуществлению немецких военных мер". Они были приговорены к тюремному заключению.

Ранние депортации.

"8 мая 1915 года 48 рабочих были заперты в товарном вагоне и вывезены в Германию.

"14 мая 45 человек были депортированы в Германию.

"18 мая в новой прокламации было объявлено, что заключенные будут получать только сухой хлеб и воду, а горячую пищу - только раз в четыре дня. 22 мая три машины со 104 рабочими были отправлены в сторону Шарлеруа".

Аналогичный курс был принят в *Малине*, где немецкие власти различными методами запугивания пытались заставить рабочих арсенала работать над материалами для железных дорог, как будто не было ясно, что рано или поздно эти материалы станут материалами для войны.

30 мая 1915 года генерал-губернатор объявил, что он "будет вынужден наказать город Малинс и его пригороды, прекратив все коммерческие перевозки, если к 10 часам утра в среду, 2 июня, 500 рабочих не явятся на работу в арсенал".

"В среду, 2 июня, не появилось ни одного мужчины. Соответственно, произошла полная остановка всех транспортных средств в радиусе нескольких километров от города".

"Нескольких рабочих забрали силой и продержали два или три дня на арсенале".

Бельгийцы попросили изготовить колючую проволоку.

"Коммуна *Свевегем* (Западная Фландрия) была наказана в июне 1915 года за то, что 350 рабочих частной фабрики М. Бекерт отказался изготавливать колючую проволоку для немецкой армии.

В июле-августе 1915 года в *Менине* было вывешено следующее уведомление: "Согласно приказу: с сегодняшнего дня город больше не будет оказывать никакой помощи - включая помощь их семьям, женам и детям — любым оперативникам, за исключением тех, кто *регулярно на военной работе* выполняет другие порученные им задачи. Всем остальным оперативникам и их семьям отныне нельзя оказывать никакой помощи".

Наказан за отказ работать на немецкую армию.

Аналогичные меры были приняты в октябре 1915 года в Харлебекелез-Куртраи, Биссегеме, Локерене и Монсе. Из Харлебеке 29 жителей были перевезены в Германию. В Монсе, на фабрике М. Ленуара, директора, бригадиры и 81 рабочий были заключены в тюрьму за отказ работать на службе в немецкой армии. М. Ленуар был приговорен к пяти годам тюремного заключения, пять директоров - к году каждый, 6 мастеров - к 6 месяцам и 81 рабочий - к восьми неделям.

Вмешательство в деятельность Красного Креста.

"Правительство Общей юрисдикции прибегало также к *косвенным* методам принуждения. Он захватил Бельгийский Красный Крест, конфисковал его имущество и произвольно изменил его назначение. Он попытался стать хозяином общественных благотворительных организаций и контролировать Национальный комитет по оказанию помощи и продовольствию.

"Если бы мы процитировали *in extenso* указ генерал-губернатора от 4 августа 1915 г., *касающийся мер, направленных на обеспечение выполнения общественно полезных работ*, и указ от 15 августа "Коварство немецких правителей Бельгии" 1915 г., *"касающийся безработных, которые из-за безделья воздерживаются от работы"*, было бы видно, какими извилистыми средствами оккупирующая держава пытается атаковать одновременно хозяев и рабочих".

12 октября 1915 года немецкие власти предприняли большой шаг в развитии своей политики принуждения бельгийцев помогать им в ведении войны. Указ от этой даты раскрывает суть дела и открыто свидетельствует о неуважении к международному праву.

УКАЗ ОТ 12 октября 1915 г.

"Статья 1. Тот, кто без причины отказывается выполнять или продолжать работу, соответствующую его роду деятельности и в выполнении которой заинтересована военная администрация, по приказу одного или нескольких военных командиров, подлежит тюремному заключению сроком до одного года. Он также может быть перевезен в Германию.

Немцы пренебрегают международным правом и приказывают бельгийцам работать на них.

"Ссылка на бельгийские законы или даже международные конвенции об обратном ни в коем случае не может служить оправданием отказа от работы.

"По вопросу законности выполняемой работы военный комендант имеет исключительное право принимать решение.

"Статья 2. Любое лицо, которое с помощью силы, угроз, убеждения или других средств пытается заставить другого человека отказаться от работы, как указано в статье 1, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок до пяти лет.

"Статья 3. Тот, кто сознательно посредством оказанной помощи или любым другим способом поощряет наказуемый отказ от работы, будет наказан максимальным штрафом в размере 10 000 марок и, кроме того, может быть приговорен к году тюремного заключения.

"Если коммуны или ассоциации признали себя виновными в таком правонарушении, главы коммун будут наказаны.

"Статья 4. В дополнение к наказаниям, указанным в статьях 1 и 3, власти Германии могут, в случае необходимости, налагать на коммуны, где без причины было отказано в работе, штраф или другие принудительные полицейские меры.

"Настоящий указ вступает в силу немедленно.

"Der Etappeinspekteur,

"Von Unger,

"Generalleutnant.

"Гент, 12 октября 1915 года".

Краткий комментарий кардинала Мерсье таков: "Несправедливость и произвол этого указа превосходят все, что можно себе представить. Принудительный труд, коллективные наказания и произвольные наказания - все это существует. Это рабство, ни больше, ни меньше".

3 октября 1916 года правительство Германии приступает к массовым депортациям.

Кардинал Мерсье ошибался, поскольку немецкие власти могли придумать гораздо более ужасную меру. В октябре 1916 года, когда потребность в дополнительной рабочей силе в *Германии* стала острой, немецкое правительство установило систему принудительного труда и *депортации*, которая вызвала отвращение христианского мира. Читателя не введут в заблуждение неуклюжие попытки немецких властей замаскировать истинную цель указа.

УКАЗ От 3 октября 1916 г.

"УКАЗ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ БРЕМЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ....

Немецкий вербальный камуфляж.

"I. Трудоспособные люди могут быть вынуждены работать даже за пределами того места, где они живут, в случае, если им приходится обращаться к благотворительным организациям других людей для поддержки себя или своих иждивенцев из-за азартных игр, пьянства, безделья, безработицы или безделья.

"II. Каждый житель страны обязан оказывать помощь в случае несчастного случая или общей опасности, а также оказывать помощь в случае общественных бедствий, насколько это в его силах, даже за пределами того места, где он живет; в случае отказа он может быть принужден силой.

"III. Любое лицо, призванное на работу в соответствии со статьями I или II, которое отказывается от работы или продолжает выполнять порученную ему работу, наказывается тюремным заключением на срок до трех лет и штрафом в размере до 10 000 марок или одним из этих наказаний, если действующим законодательством не предусмотрено более суровое наказание.

"Если отказ от работы был сделан согласованно несколькими лицами, каждый сообщник будет приговорен, как если бы он был зачинщиком, по меньшей мере к неделе тюремного заключения.

"IV. Военные власти Германии и военные суды будут обеспечивать надлежащее исполнение настоящего указа.

- Генерал-квартирмейстер Зауберцвейга.

- Главный штаб, 3 октября 1916 г..

Ответственность Гинденбурга за депортации.

Ответственность за эту чудовищную программу лежит на военных правителях Германии, которые так рьяно трудились над тем, чтобы заразить армию и народ принципами безжалостности. Знаменательно, что за назначением Гинденбурга верховным командованием с

Людендорфом в качестве начальника штаба последовал указ от 3 октября 1916 года. В своем пространном докладе от 16 января 1917 года министр Уитлок говорит:

ДОКЛАД МИНИСТРА УИТЛОКА (продолжение)

Был ли Биссинг против депортаций?

"Затем, в августе, фон Гинденбург был назначен верховным командованием. Говорят, что он критиковал политику фон Биссинга как слишком мягкую; произошла ссора; фон Биссинг поехал в Берлин протестовать, пригрозил уйти в отставку, но не сделал этого. Он вернулся, и немецкий чиновник здесь сказал, что Бельгия теперь подвергнется более ужасному режиму — узнает, что такое война. Пророчество подтвердилось. Недавно мне сказали, что эти радикальные меры действительно вдохновлены Людендорфом; я не знаю. Так говорят многие немецкие офицеры."
(Продолжение на стр. 54.)

Если фон Биссинг выступал против политики депортации, когда его собственное решение было отменено, он согласился стать "адвокатом дьявола" и публично защищал систему. Особенно поучителен следующий разговор, переданный мистером Ф.К. Уолкоттом:

РАЗГОВОР ФОН БИССИНГА С МИСТЕРОМ УОЛКОТТОМ.

"Я поехал в Бельгию, чтобы изучить условия, и, находясь там, у меня была возможность * * * однажды поговорить с генерал-губернатором фон Биссингом, который умер три или четыре недели назад, мужчиной 72 или 73 лет, человеком, погруженным в "систему", рожденным и воспитанным в ожесточении сердца, которое развивает эта философия. Должно быть придумано какое-то новое слово для обозначения процесса, которому подвергается сердце мужчины, когда оно погружается в эту систему.

Я сказал ему: "Губернатор, что вы собираетесь делать, если Англия и Франция перестанут давать этим людям деньги на покупку продуктов питания?"

Он сказал: "Мы все это проработали, и работали над этим неделями, потому что ожидали, что эта система может выйти из строя в любой момент".

Биссинг говорит, что планы депортации были тщательно подготовлены.

Далее он сказал: "Голодная смерть настигнет этих людей через 30-60 дней. Голод - непреодолимая сила, и мы использовали бы эту силу, чтобы заставить бельгийских рабочих, многие из которых очень квалифицированы, отправиться в Германию на смену немцам, чтобы они могли отправиться на фронт и сражаться против англичан и французов".

"Так быстро, как только сможет перевозить их наш железнодорожный транспорт, мы перевезем тысячи других, пригодных для сельскохозяйственных работ, через всю Европу в юго-восточную Европу, в Месопотамию, где у нас есть огромные, великолепные ирригационные сооружения. Все, что нужно этой земле, - это вода, и она расцветет, как роза".

"Оставшихся слабых, старых и молодых, мы сосредоточим напротив линии огня, разместим позади них расстрельные команды и заставим их прорваться через эту линию, чтобы англичане и французы могли позаботиться о своих людях".

"Это было совершенно простое, прямое, откровенное рассуждение. Оно означало, что правительство Германии использовало бы любую силу для уничтожения любого чужого народа в своих собственных целях". (Фредерик К. Уолкотт, в журнале "Нэшнл Джогеографик", май 1917 г.)

Краткое общее представление о характере депортаций, пожалуй, лучше всего можно получить из доклада министра Уитлока.

ДОКЛАД МИНИСТРА УИТЛОКА (продолжение).

"Депортации начались в октябре в Этапе, в Генте и в Брюгге, как указывалось в моих кратких телеграммах. Политика распространилась; следующими нападениям подверглись богатые промышленные районы Эно, шахты и сталелитейные заводы около Шарлеруа; теперь они захватывают людей в Брабанте, даже в Брюсселе, несмотря на некоторые признаки и даже предсказания гражданских властей о том, что от этой политики вот-вот придется отказаться."

[Этапы были частями Бельгии, находившимися на военном положении, и включали провинцию западная Фландрия, часть восточной Фландрии и регион Турне. Остальная часть оккупированной части Бельгии находилась под властью гражданского правительства.]

Начинаются депортации.

"В течение последних двух недель люди производили впечатление здесь, в Брюсселе, но их изъятия здесь, очевидно, производятся с гораздо большей осторожностью, чем в провинции, с большим вниманием к внешнему виду. Публичного объявления о намерении депортировать не было, но внезапно около десяти дней назад некоторые мужчины в городах, чьи имена есть в списке шомеров, получили повестки с уведомлением явиться на одну из железнодорожных станций в определенный день; были установлены штрафы за отказ ответить на повестку, а на карточке было напечатано предложение о приеме на работу от правительства Германии либо в Германии, либо в Бельгии. В первый день из примерно 1500 человек, которым было приказано явиться на Центральный вокзал, откликнулись около 750. Они были осмотрены немецкими врачами, и 300 человек были взяты. Беспорядков не было, большой отряд конных уланов сдерживал толпу и преграждал доступ на станцию всем, кроме тех, кого вызвали явиться. Комиссия по оказанию помощи в Бельгии добилась разрешения выдавать каждому депортированному мужчине буханку хлеба, а некоторые коммуны предоставили теплую одежду тем, у кого ее не было, и вдобавок небольшую финансовую поддержку. пособие. Поиронии судьбы зима выдалась более холодной, чем когда-либо в Бельгии, и хотя многие из пришедших были должным образом защищены от холода, многие из них были без пальто. Мужчины, дрожащие от холода и страха, разлука с плачущими женами и детьми, преграды жестоких уланов - все это делало сцену жалкой и удручающей."

"Было понятно, что припадки продолжатся здесь, в Брюсселе, но в прошлый четверг, в очень холодный день, те, кто был вызван, были отправлены домой без осмотра. Предполагается, что суровая погода побудила немцев отложить депортации. (Продолжение на стр. 67.)"

Кардинал Мерсье попытался убедить немецкие власти отказаться от своих ужасных планов, напомнив им об их торжественных обещаниях в прошлом:

Малинс, 19 октября 1916 г..

Господин генерал-губернатор:

Еще один "Клочок бумаги".

"На следующий день после сдачи Антверпена напуганное население спросило себя, что будет с бельгийцами, достигшими возраста, когда они смогут носить оружие, или с теми, кто достигнет этого возраста до окончания оккупации. Мольбы отцов и матерей семейств побудили меня обратиться к губернатору Антверпена барону фон Хьюне, который был так добр, что успокоил меня и уполномочил меня от его имени успокоить убитых горем родителей. Тем не менее в Антверпене распространился слух, что в Льеже, Намюре и Шарлеруа были схвачены молодые люди и силой увезены в Германию. Поэтому я попросил губернатора фон Хьюне быть настолько любезным, чтобы подтвердить мне в письменной форме гарантию, которую он дал мне устно, о том, что ничего подобного в Антверпене не произойдет. Он сразу же сказал мне, что слухи о депортациях беспочвенны, и без колебаний прислал мне в письменном виде, среди прочих заявлений, следующее: "У молодых людей нет причин опасаться, что их увезут в Германию либо для зачисления в армию, либо для использования на принудительных работах".

"Эта декларация, составленная и подписанная, была публично передана духовенству и верующим провинции Антверпен, как Ваше превосходительство может видеть из прилагаемого к настоящему документу, датированного 16 октября 1914 года, который был зачитан во всех церквях. [Напечатано на предыдущих страницах.]

"По прибытии вашего предшественника, покойного барона фон дер Гольца, в Брюссель я имел честь представиться в его доме и попросил его быть настолько любезным, чтобы утвердить для всей страны без ограничения срока гарантии, которые генерал фон Хьюне дал мне в отношении провинции Антверпен. Генерал-губернатор сохранил этот запрос у себя, чтобы изучить его на досуге. На следующий день он был настолько любезен, что лично приехал в Малин, чтобы передать мне свое одобрение, и подтвердил мне, в присутствии двух адъютантов и моего личного секретаря, обещание, что свобода бельгийских граждан будет уважаться.

Усомниться в авторитетности подобных начинаний значило бы задуматься над людьми, которые их предприняли, и поэтому я предпринял шаги, чтобы всеми доступными мне средствами убеждения развеять опасения, которые сохранялись в заинтересованных семьях.

"Несмотря на все это, ваше правительство сейчас вырывает из их домов рабочих, доведенных, несмотря на их усилия, до состояния безработицы, силой разлучает их с женами и детьми и депортирует на вражескую территорию. Многие рабочие уже подверглись этой несчастливой участи; еще больше тех, кому угрожают такими же актами насилия.

Трогательный призыв Мерсье.

"Во имя свободы проживания и свободы труда бельгийских граждан; во имя неприкосновенности семей; во имя моральных интересов, которым меры депортации нанесли бы серьезный ущерб; во имя слова, данного губернатором провинции Антверпен и

генерал-губернатором, непосредственным представителем высшей власти Германской империи, я почтительно прошу Ваше превосходительство быть достаточно любезным, чтобы отменить меры принудительного труда и депортации, объявленные бельгийским рабочим, и быть достаточно любезным, чтобы восстановить в своих домах тех, кто уже был депортирован". .

"Ваше превосходительство поймет, насколько болезненным для меня был бы груз ответственности, которую мне пришлось бы нести в отношении этих семей, если бы доверие, которое они оказали вам через мое агентство и по моей просьбе, было прискорбно обмануто.

"Я продолжаю верить, что этого не произойдет.

"Примите, господин генерал-губернатор, заверения в моем самом высоком уважении.

"Д.Дж. кардинал Мерсье,
"Арх. Малинский".

Муниципальные власти Бельгии обратились к властям Германии с призывом выполнить свои торжественные обещания. Два нижеследующих документа иллюстрируют обращения Бельгии и ответы Германии.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА ТУРНЕ от 20 октября 1916 г.

"По делу о реквизиции, произведенной немецкими властями 20 октября 1916 года (запрос списка рабочих, который должен быть составлен муниципалитетом) * * *

"Муниципальный совет решает сохранить свою позицию отказа.

Далее Комитет считает своим долгом официально заявить следующее:

"Город Турне готов безоговорочно подчиниться всем требованиям, предусмотренным законами и обычаями войны. Его искренность не подлежит сомнению. Более двух лет он подвергался немецкой оккупации, в течение этого времени он проживал в непосредственной близости от немецких войск, но при этом демонстрировал совершенное самообладание и воздерживался от любых враждебных действий, доказывая тем самым, что им движет не праздный дух бравады.

Совет Тура отклоняет аморальные и незаконные требования.

Но город не мог заставить себя предоставить оружие для использования против собственных детей, хорошо зная, что естественное право и право наций (которое является выражением естественного права) запрещают такие действия.

В своем заявлении от 2 сентября 1914 года немецкий генерал-губернатор Бельгии заявил: "Я не прошу никого отказываться от своих патриотических чувств".

"Город Турне выражает доверие к этому заявлению, которое он обязан рассматривать как мнение германского императора, от имени которого выступал генерал-губернатор. Принимая идеи чести и патриотизма, город остается верен фундаментальному долгу, возвышенность которого должна быть очевидна любому немецкому офицеру.

"Город уверен, что прямота и ясность такого отношения предотвратит любое недопонимание, возникающее между ним и немецкой армией".

ОТВЕТ ГЕРМАНИИ НА РЕЗОЛЮЦИЮ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА ТУРНЕ.

Турне, 23 октября 1916 года.

И получает строгую нотацию и штраф.

"Позволяя себе посредством муниципальных постановлений выступать против приказов немецких военных властей на оккупированной территории, город виновен в беспримерном высокомерии и полном непонимании ситуации, созданной состоянием войны.

""Ясная и простая ситуация" на самом деле такова:

"Военные власти приказывают городу подчиняться. В противном случае городу придется столкнуться с тяжелыми последствиями, как я указывал в своих предыдущих объяснениях.

"Генерал, командующий армией, наложил на город — в связи с его нынешним отказом предоставить требуемые списки — штрафную контрибуцию в размере 200 000 марок, которая должна быть выплачена в течение следующих шести дней, начиная с сегодняшнего дня. Генерал также добавляет, что до тех пор, пока все требуемые списки не окажутся у него на руках, за каждый день просрочки, начиная с 31 декабря 1916 года, город будет выплачивать сумму в 20 000 марок.

"Хопфер, генерал-майор,
"Этап-комендант".

Синдикат бельгийских рабочих также пытался убедить немецкие власти отказаться от своих ужасных планов.

"Синдикат Бельгийской комиссии,
"Брюссель, 30 октября 1916 г..

[Генерал-губернатору Бельгии.]

"Меры, которые планирует ваша администрация, чтобы заставить безработных работать на оккупирующую державу, депортация наших несчастных товарищей, начавшаяся в районе этапа, глубоко волнуют весь рабочий класс Бельгии.

"Нижеподписавшиеся, члены и представители великих центральных социалистических и независимых синдикатов Бельгии, сочли бы, что они не выполнили свой долг, если бы они не выразили вам болезненных чувств, которые волнуют рабочих, и не донесли до вас эхо их трогательных жалоб.

"Они видели, как с их заводов забирали оборудование, реквизировали самые разнообразные виды сырья, как накапливались препятствия, препятствующие возобновлению регулярной работы, как одно за другим исчезали все общественные свободы, которыми они гордились.

Рабочие рассказывают о своих обидах от рук немцев.

"На протяжении более двух лет рабочий класс больше, чем кто-либо другой, был вынужден подвергаться самым горьким испытаниям, испытывая нищету и часто голод, в то время как его дети далеко сражаются и умирают, и родители этих детей никогда не могут передать им ту привязанность, которой переполнены их сердца.

"Наш рабочий класс переносил все с предельным спокойствием и самым впечатляющим достоинством, подавляя свои страдания, жалобы и тяжелые испытания, принося все в жертву своему идеалу свободы и независимости. Но объявленные меры заставят население осушить до дна чашу человеческого горя; пролетариат, *бедняки, которым навязали безработицу*, граждане современного государства должны быть приговорены к принудительному труду без нарушения каких-либо правил или приказов.

И требовать достойного обращения.

"От имени семей рабочих, среди которых в настоящее время царит самая болезненная тревога, чьим матерям, чьим женихам и чьим маленьким детям суждено пролить еще столько слез, мы умоляем Ваше Превосходительство предотвратить совершение этого болезненного акта, противоречащего международному праву, противоречащего достоинству рабочего класса, противоречащего всему, что придает ценность и величие человеческой природе.

"Мы просим Ваше превосходительство извинить наше волнение и выражаем вам почтение нашим выдающимся уважением.

"(Прилагаются подписи членов Национального комитета и Синдиката комиссии.)"

Фон Биссинг в своем ответе от 3 ноября практически признал истинность жалобы, попытавшись оправдать меры, против которых был подан протест. Аргументы, которые он использовал, взяты на вооружение и опровергнуты в письме Синдикальной комиссии от 14 ноября, которое следует следующим образом:

"Синдикальная комиссия Бельгии,
"Брюссель, 14 ноября 1916 г..

"Его Превосходительству барону фон Биссингу,
"генерал-губернатору Бельгии.

"Ваше Превосходительство, Секретари и представители социалистических и независимых профсоюзов Бельгии с болезненным разочарованием ознакомились с ответом, который вы были настолько любезны дать на их петицию от 30 октября относительно депортации рабочих в Германию, и именно во имя рабочего класса как единого целого мы предпринимаем последнее усилие, чтобы предотвратить совершение беспрецедентного акта, направленного против его свободы, его чувств и его достоинства.

Социалисты опровергают аргументы Биссинга.

"Вы говорите, что многие промышленные предприятия были закрыты из-за нехватки сырья, вызванной блокадой противника. Позвольте нам, Ваше превосходительство, напомнить вам, что союзные державы очень ясно продемонстрировали свое намерение разрешить ввоз в Бельгию сырья, необходимого нашей промышленности, при условии, что,

естественно, не должно производиться никаких реквизиций, за исключением тех, которые упомянуты в статье 52 Гаагской конвенции, то есть тех, которые необходимы "оккупационной армии", и что международная комиссия, Комиссия помощи Бельгии, должна иметь право контролировать назначение произведенных продуктов.

"Вместо того, чтобы согласиться на такое предложение, мы видели, как оккупационные власти систематически вывозят машины, орудия труда, станки всех видов, двигатели и сырье, металлы, кожу и шерсть, ограничивают производство, постоянно усугубляют трудности сделок. Когда коммуны или комитеты желали нанять незанятых рабочих на общественно полезные работы, на их пути возникали препятствия, и, в конце концов, во многих случаях их начинания были остановлены и сорваны. Одним словом, как только прилагались самые неустанные усилия, чтобы задействовать как можно больше рабочих рук, другие люди постоянно оставались без работы.

И с гордостью восхваляют бельгийского рабочего.

"Вы также утверждаете, что безработица вызвана враждебным отношением рабочих к работе. Все прошлое нашего рабочего класса протестует против этого обвинения со всей энергией, которая в нем еще осталась. Где во всем мире можно найти рабочий класс, который превратил такую маленькую страну в такую великую промышленную и торговую державу? И мы, которые в течение последних 25 лет были восторженными свидетелями великолепных усилий наших братьев-тружеников в вопросе их материального и морального улучшения, мы с гордостью заявляем, что в их рядах нет людей, настолько деградировавших, чтобы предпочесть получение благотворительной помощи, которая едва обеспечивает их достаточным количеством пищи, честной заработной плате, выплачиваемой в качестве вознаграждения за бесплатный и плодотворный труд.

Однако верно то, что бельгийские рабочие, следуя той же статье 52 Гаагской конвенции, которая допускает реквизицию рабочей силы только "для нужд оккупационной армии и в случае, если эти реквизиции не подразумевают обязательства принимать участие в войне против их страны", отказались от самых заманчивых предложений, не желая ни строить траншеи, ни ремонтировать форты, ни работать на фабриках, производящих военные материалы. Это было их правом и их обязанностью. Их отношение заслуживало уважения, а не самого унижительного наказания.

"Вы ссылаетесь на ваши указы от 15 августа 1915 г. и от 15 мая 1916 г., в которых упоминается о возможном наказании любых рабочих, которые получают поддержку и отказываются от работы, соответствующей их способностям и при этом соответствующей заработной плате. Те, кто знает, с какой тщательностью и с какими мельчайшими подробностями были созданы условия, при которых безработные имеют право на получение помощи, возможно, подумают, что эти угрозы были, мягко говоря, бесполезны. Но, как вы сами говорите, в статье 2 этих указов провозглашается, что любой мотив отказа от работы будет считаться обоснованным, если он допускается международным правом.

"В этих случаях отказа немецкие власти оставляли за собой право вызвать этих непокорных в бельгийские суды, а затем и в немецкие военные трибуналы. Следовательно, несомненно, что безработные имеют право отказаться от работы по любой причине, одобренной международным правом. При вызове в трибунал они имеют право нанять адвоката для своей защиты и четко изложить причины своего отказа. Можно, конечно, сказать, что дело не в том, что рабочие видят немецкую схему насквозь. вопрос о том, чтобы обязать рабочих

участвовать в военных предприятиях; но совершенно очевидно, что каждый бельгиец, депортированный в Германию, займет там место человека, который завтра отправится пополнять ряды врага. Мы хотели бы знать, Ваше превосходительство, выполняют ли эти трибуналы свои функции.

"Вы опасаетесь, что продолжающаяся безработица может снизить физическое и моральное состояние рабочих. Мы, которые их знаем, больше доверяем им. Мы видели, как они страдали со стоицизмом, который присущ только гордым и возвышенным душам. Разве не от них исходила великолепная идея организовать по всей стране обширную образовательную работу для безработных с целью развития их технических знаний и повышения их профессиональной ценности? *Национальный комитет*, увы, не был уполномочен предпринимать это великолепное предприятие. Неужели это идея о том, что именно благодаря принудительному труду, выполняемому с черным отчаянием, как рабы, наши несчастные братья сохраняют свою физическую и моральную энергию?

Немцы не имеют права говорить о безработице бельгийцев.

Вы также опасаетесь, что "помощь, которую они получают, в конце концов, повлияет на экономическую жизнь Бельгии". Нам трудно поверить, что бельгийцы, как вы говорите, имели малодушие отказываться в такой форме от горького куса хлеба и скудного супа, которые составляли пищу стольких рабочих семей в течение стольких месяцев; и что, в конце концов, значат двенадцать миллионов франков, которые ежемесячно распределяются между 500 000-600 000 неимущих, по сравнению с неисчислимым уничтожением товаров и жизней, которому подвергаются ужасы войны? война, в которой она не несет ни малейшей ответственности, стоила и до сих пор стоит нашей стране? Ссамой непоколебимой верой в нашу судьбу; мы, наиболее заинтересованные, знаем, что в ближайшем будущем Фландрия и *Валлония* вновь прославятся в истории.

Все бельгийцы понимают немецкую схему.

"Итак, ваше превосходительство, наше сердце и наш разум отказываются верить, что для блага нашего класса и во избежание дополнительного бедствия для нашей страны тысячи рабочих внезапно отрываются от своих семей и переправляются в Германию. Общественное мнение не было обмануто, и в ответ на тяжкие жалобы жертв раздаются возмущенные протесты всего населения, выраженные его представителями, общинными магистратами и теми лицами, которые представляют собой высшее воплощение закона в нашей стране.

"Более того, произвольные и жестокие методы, использованные при осуществлении этих печальных мер, вызвали всевозможные сомнения относительно поставленной цели: прежде всего, необходимо получить рабочих в Германии для выгоды Германии и для успеха ее вооружений.

"В то время как в Антверпене они не брали ни одного молодого человека от 17 до 31 года, находившегося под контролем режима, в Боринаже они призывают всех мужчин в возрасте от 17 до 50 лет; в Валлонском Брабанте - всех мужчин старше 17 лет, без проведения какого-либо различия между работающими и безработными. Были взяты люди всех профессий и любого положения — например, пекари, которые никогда не переставали работать в наших кооперативах Боринажа; механики, у которых всегда была работа; сельскохозяйственные рабочие, торговцы * * * В Лессине 6-го числа было уволено 2100

человек, все рабочие до 50 лет. Приводится несколько случаев, когда старики с пятью или шестью сыновьями были сосланы таким образом силой.

Слезы матерей и детей.

"Повсюду происходят печальные сцены. Несчастные, собравшиеся вместе на общественных площадях, быстро разделяются на банды. Им было приказано взять с собой небольшое количество багажа; их сразу же доставляют на железнодорожную станцию и грузят в вагоны для скота. Им не разрешают попрощаться со своими семьями. Им не предоставляется никакой возможности привести в порядок свои дела, даже самые неотложные. Они не знают, ни куда они направляются, ни на какую работу, ни на какой срок. Забранные в начале зимы, после двух лет лишений, не имея больше ресурсов и средств, чтобы обеспечить себя теплой одеждой или другими необходимыми предметами, какие лишения им предстоит вынести? Как они будут там жить? В каком состоянии они вернуться? Эта тайна и это беспокойство являются причиной непрекращающихся слез матерей и маленьких детей. В домах царят уныние.

"Послушайте, ваше превосходительство, эти слезы и рыдания. Не позволяйте разрушить наше прошлое свободы и независимости. Не допускайте нарушения прав человека в его святая святых. Не позволяйте попираť достоинство нашего рабочего класса, которое было приобретено после стольких столетий усилий.

"Мы обращаемся к закону и человечности торжественно и с надеждой быть услышанными, поскольку мы глубоко убеждены, что нашим голосом в этот трагический час великий голос рабочего класса всего цивилизованного мира выражает свою скорбь и свой протест.

- Примите, ваше превосходительство, поклон нашего самого высокого уважения.

(Здесь следуют подписи членов *Национального комитета* и *Синдикальной комиссии*).,,

"Мы препровождаем это письмо и предыдущую переписку министрам и представителям иностранных держав в Брюсселе, а также нашим товарищам из Синдиката Комиссии по борьбе с синдикатами в Голландии".

Файлы Государственного департамента содержат подлинные копии очень многих таких трогательных протестов. Предыдущие взяты из этого трогательного сборника, и из него можно процитировать, в качестве дополнительной иллюстрации, некоторые отрывки из двух других:

ПРОТЕСТ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА БЕЛЬГИИ.

"Брюссель, 9 ноября 1916 г..

"Его Превосходительству барону фон Биссингу,
"генерал-губернатору Бельгии.

Бельгийские законодатели перечисляют ошибки Бельгии.

"Ваше превосходительство, Казалось, что никакие страдания не могут быть добавлены к тем, которые на нас уже обрушились с момента оккупации нашей страны. Наша изгнанная свобода, наша разрушенная промышленность и торговля, наши сырьевые продукты и орудия труда вывезены из страны, общественное благосостояние разрушено, нужда,

унаследованная богатством в семьях, которые раньше были самыми процветающими, лишения, тревоги и траур. * * *

"Нужно ли рассказывать о сценах, театром которых регион этап был в течение нескольких недель и которые сейчас воспроизводятся в течение последних дней на территории Генерал-губернаторства, где это бедствие угрожает распространиться от коммуны к коммуне, пока его жертвы не будут исчисляться сотнями тысяч? "Краткая и прискорбная" процедура немцев. Объявления, вывешенные на стенах и воспроизведенные в газетах, достаточно подробно рассказывают, что это такое. Повсюду одна и та же процедура, краткая и печальная: массовые аресты, людей произвольно причисляют к безработным, собирают вместе, делят на группы, отправляют навстречу неизвестности. * * *

"Власти предпочитают предоставлять им работу в Германии, где представители [Немецкого] промышленного бюро обещают им "хорошую заработную плату", если они согласятся работать там "добровольно", и где они могут рассчитывать, в случае отказа, на голодную заработную плату. На какую физическую и моральную депрессию рассчитывают, чтобы заставить их действовать?

Всем известно, для чего Германии нужны бельгийские рабочие.

"Правда, утверждалось, что работа, которая им предлагается, будет носить невоенный характер; но со всех сторон раздавались голоса в ответ: "занимая место немецкого рабочего, бельгийский рабочий позволяет Германии увеличить численность своих армий". Самая одиозная работа - это та, результаты которой используются против отечества. Служить Германии - значит воевать против собственной страны. Принуждение наших рабочих к этому есть не что иное, как силовой акт, противоречащий международному праву(на который ссылается Ваше превосходительство в вашем воззвании от 15 августа 1915 года), а также противоречащий духу, если не тексту, Четвертой Гаагской конвенции 1907 года. * * *

"Они умоляют Ваше превосходительство использовать вместе с военными властями высокие prerogatives, которые принадлежат вам в силу вашего положения, чтобы предотвратить совершение акта, не имеющего прецедента в истории современных войн, и они умоляют вас принять заверения в их самом высоком уважении".

[Подписи бельгийских сенаторов и депутатов.]

ПРОТЕСТ КАРДИНАЛА МЕРСЬЕ.

"Архиепископство Малинское,
"Малин, 10 ноября 1916 г..

"Господин генерал-губернатор:

"Я воздерживаюсь от выражения Вашему превосходительству чувств, которые вызвал у меня ваш ответ на письмо, которое я имел честь направить вам 19 октября в связи с депортацией безработных.

Немецкое вероломство.

"Я с грустью вспоминаю слова, которые Ваше превосходительство, вдумываясь в каждый слог, произнесли в моем присутствии после вашего прибытия в Брюссель: "Я надеюсь, что наши отношения будут лояльными * * * Мне поручено перевязать раны Бельгии".

"В моем письме от 19 октября Вашему превосходительству напоминает о помолвке, заключенной бароном фон Хьюне, военным губернатором Антверпена, и ратифицированной несколько дней спустя бароном фон дер Гольцем, вашим предшественником на посту генерал-губернатора в Брюсселе. Обязательство было недвусмысленным, абсолютным, неограниченным по времени: "Молодым людям не нужно бояться, что их увезут в Германию либо для зачисления в армию, *либо для использования на принудительных работах*".

"Это соглашение нарушается каждый день — тысячи раз за последние две недели.

"Барон фон Хьюне и покойный барон фон дер Гольц не говорили условно, как следовало бы из вашей депеши от 26 октября: "Если оккупация продлится не более двух лет, мужчины, годные к военной службе, не должны попадать в плен"; они заявили категорически: "Молодые люди и, что более разумно, мужчины, достигшие преклонного возраста, не должны *ни в какой момент оккупации ни попадать в плен, ни привлекаться к принудительным работам*". * *

"Указы, плакаты и комментарии прессы, которые были призваны подготовить общественное мнение к принимаемым в настоящее время мерам, учитывали, в частности, двасоображения: Безработные, как они заявили, представляют опасность для общественной безопасности; они являются платой за государственную благотворительность.

Бельгийцы не получают благотворительности от немцев.

"Это неправда, - сказал я в своем письме от 19 октября, - что наши рабочие нарушали общественный порядок или даже где-либо угрожали ему. Пять миллионов бельгийцев и сотни американцев являются изумленными свидетелями достоинства и безупречного терпения нашего рабочего класса. Неправда, что рабочие, лишённые работы, являются обязанностью оккупирующей державы за благотворительность, которую раздает их администрация. *Национальный комитет*, в деятельности которого оккупирующее правительство не принимает активного участия, является единственным источником средств к существованию для жертв вынужденного безделья. * * *

Немецкий план заставляет бельгийцев воевать против их собственной страны.

"Каждый бельгийский рабочий освободит немецкого рабочего, который пополнит немецкую армию еще одним солдатом. Вот, во всей своей простоте, факт, который доминирует в ситуации. Автор письма сам ощущает этот животрепещущий факт, поскольку пишет: "Эта мера также не является той, которая, *говоря* должным образом, влияет на ведение войны" (*proprement dite*). Следовательно, это связано с войной, *неправильно выражаясь* (*improprement dite*); что может означать только то, что бельгийский рабочий, хотя он и не носит оружия, освободит руки немецкому рабочему, который возьмет в руки оружие. Бельгийский рабочий вынужден сотрудничать косвенным, но очевидным образом в войне против своей страны. Это явно противоречит духу Гаагских конвенций.

Вот еще одно утверждение: *безработица не вызвана ни бельгийскими рабочими, ни Англией; она вызвана режимом немецкой оккупации.*

"Оккупационное правительство захватило значительные запасы сырья, предназначенного для нашей национальной промышленности; оно захватило и отправило в Германию оборудование, инструменты и металлы наших заводов и мастерских. Возможность национального труда была таким образом подавлена, и у рабочего оставалась одна альтернатива: работать на Германскую империю либо здесь, либо в Германии; или оставаться праздным. Несколько тысяч рабочих под давлением страха или голода согласились, по большей части с сожалением, работать на врага; но четыреста тысяч рабочих и работниц предпочли скорее смириться с безработицей с ее лишениями, чем нанести ущерб интересам отечества; они жили в бедности, пользуясь скудными пособиями, предоставленными им *Национальным комитетом безопасности и продовольствия*, под надзором министров-покровителей Испании, Америки и Голландии. Спокойные, исполненные достоинства, они безропотно переносили беспорядки, вызванные бельгийцами. ропот - их тяжелая участь. Ни в одной части страны не было восстания или даже подобия такового. Работодатели и наемные работники терпеливо ждали окончания нашего долгого мученичества. Тем временем коммунальные администрации и частная инициатива пытались облегчить несомненные неудобства безработицы. Но оккупирующая держава парализовала их усилия. *Национальный комитет* попытался организовать профессиональную школу для безработных. Это практическое наставление, уважающее достоинство наших рабочих, было предназначено для поддержания их мастерства, повышения трудоспособности и подготовки к восстановлению страны. Кто выступил против этого благородного движения, план которого был разработан нашими крупными промышленниками? Кто? Оккупационное правительство.

Коммунам не разрешается предоставлять работу безработным.

"Несмотря на все это, коммуны прилагали все усилия, чтобы дать работу безработным на предприятиях общественного назначения; но генерал-губернатор поставил эти предприятия в зависимость от разрешения, в котором, как правило, он отказывал. Я уверен, что есть множество случаев, когда правительство санкционировало предприятия такого рода при четком условии, что они не должны предприниматься безработными.

"Они стремились создать безработицу. Они набирали армию безработных. * * *

"В письме от 26 октября говорится, что первая ответственность за безработицу наших рабочих лежит на Англии, потому что она не разрешила ввозить сырье в Бельгию.

Англия ни в чем не виновата.

"Англия великодушно разрешает ввозить продовольствие в Бельгию для восстановления [страны] под контролем нейтральных государств — Испании, Соединенных Штатов и Голландии. Она разрешила бы ввозить в страну сырье, необходимое для промышленности, под тем же контролем, если бы Германия согласилась оставить их нам, а не конфисковывать готовые продукты нашей промышленной деятельности.

Германия грабит бельгийцев и причиняет им лишения.

"Но Германия посредством различных процедур, в частности посредством организации своих *Центров*, над которыми ни бельгийцы, ни наши министры-покровители не могут осуществлять сколько-нибудь эффективного контроля, поглощает значительную часть

продуктов сельского хозяйства и промышленности нашей страны. Результатом является значительное повышение стоимости жизни, что приводит к болезненным лишениям для тех, у кого нет сбережений. * * *

Депортация - это рабство.

"Депортация - это рабство и самое суровое наказание в уголовном кодексе после смертной казни. Заслужила ли Бельгия, которая никогда не причинила вам никакого вреда, от ваших рук такое обращение, которое взывает к небесам о мести?"

"Господин генерал-губернатор, в начале своего письма я напомнил благородные слова Вашего превосходительства: "Я прибыл в Бельгию с миссией перевязать раны вашей страны".

"Если бы ваше превосходительство могли проникнуть в дома рабочих, как это делаем мы, священники, и услышать стенания жен и матерей, которых ваши приказы повергают в траур и смятение, вы бы гораздо лучше осознали, что рана бельгийского народа зияет.

Холодный расчет немцев.

"Мы слышим, как люди говорят, что два года назад были смерть, грабежи, пожары, но это была война! Сегодня это уже не война, это холодный расчет, преднамеренное разрушение, победасилы над правом, унижение человеческой личности, вызов человечеству.

"От вас зависит, ваше превосходительство, заставить замолчать эти вопли возмущенной совести; пусть благой Бог, к которому мы взываем со всем пылом нашей души за наш угнетенный народ, внушит вам сострадание доброго самаритянина!

"Примите, господин генерал-губернатор, слова моего глубочайшего уважения.

-Ди Джей Кард. Мерсье,
"Арка Малинов".

В менее трогательных фразах, но в смертоносном подтверждении, продолжение доклада министра Уитлока гласит:

ДОКЛАД МИНИСТРА УИТЛОКА (продолжение).

"Ярость, ужас и отчаяние, вызванные этой мерой по всей Бельгии, превзошли все, что мы видели с того дня, как немцы ворвались в Брюссель. Делегаты Комиссии по оказанию помощи в Бельгии, вернувшись в Брюссель, рассказали самые печальные истории о сценах жестокости и скорби, сопровождавших припадки. Ужасающие истории о поведении немцев. И с тех пор бельгийцы, приезжающие в Посольство, рассказывают ужасающие истории ежедневно, почти ежечасно. Мы не можем проверить их, во-первых, потому, что нам вообще необходимо проявлять весь возможный такт в обращении с предметом, а во-вторых, потому, что нет средств связи между Профессиями-Gebiet и Etappen-Gebiet. Транспорт по всей Бельгии затруднен, близлежащие железные дороги почти не работают из-за нехватки масла, в то время как все лошади были забраны. Люди, вынужденные переходить из одной деревни в другую, должны делать это пешком или в фургонах, запряженных теми немногими жалкими лошадьми, которые еще остались. Фургоны пивоварен, единственного заведения, которое немцы свято уважают, запряжены волами.

"Хорошо известная тенденция сенсационных сообщений преувеличивать сами себя, особенно во время войны и в ситуации, подобной той, что существует здесь, когда нет газет, которые могли бы служить ежедневным информационным центром для всех слухов, в которые верят так же жадно, как и в то, что они на самом деле являются грязным делом. повторное, конечно, следует учитывать; но даже если хоть капля из всего, что рассказано, является правдой, все равно остается достаточно, чтобы заклеить это деяние как одно из самых гнусных, какие только известны истории.

"Я постоянно получаю сообщения со всей Бельгии, которые, как правило, подтверждают истории, которые мы постоянно слышим о жестокости. Говорят, что несколько человек, отправленных обратно в Монс, находятся в предсмертном состоянии, многие из них больны туберкулезом. В Малине и Антверпене погибли вернувшиеся люди, их друзья утверждают, что они стали жертвами пренебрежения и жестокости, холода, незащищенности, голода." (Продолжение на стр. 74.)

Яркий набросок депортаций из Монса, сделанный участником, вполне может быть процитирован здесь:

"Горести рабства".

"Я возьму 18 ноября прошлого года [1916]. Примерно за неделю до этого на стенах моей столицы Монса был развешан плакат, сообщающий, что через семь дней все мужчины этого города, которые не были священнослужителями, которые не были священниками, которые не принадлежали к городскому совету, будут депортированы.

"В половине шестого, серым утром 18 ноября, они вышли, шесть тысяч двести человек из Монса, я и еще один человек вели их по булыжной мостовой туда, где беспорядков будет меньше, чем в большом городе, с солдатами по обе стороны, с примкнутыми штыками, с женщинами, удерживаемыми сзади.

"Какая это деградация! Как унижительно это выглядело, когда они вышли на эту огромную рыночную площадь, где были возведены загоны, точно для скота, — все великие люди этой провинции— юристы, государственные деятели, главы профессий, люди, которые прославили столицу Эно за последние двадцать лет.

Там их собрали; не было никаких вопросов о том, кто они, заняты ли, чем занимаются или каково их положение в жизни. "Идите направо! Иди налево! Иди направо!" - И их поворачивали то в одну, то в другую сторону.

"Поезда стояли там готовые, дымящиеся, чтобы отвезти их в Германию. Вы видели, с одной стороны, одного брата забрали, другой брат уехал. Поспешное объятие, и они расстались. Здесь был человек, стоящий на коленях перед немецким офицером, умоляющий занять место его старого отца; вот и все. Отец уехал, а сын остался. Они были набиты в те поезда, которые ждали там.

"Вы видели сотни женщин с узлами в руках, умоляющих разрешить им подойти к поездам, чтобы отдать своим мужчинам последнее, что у них было в жизни, спасающее их от голодной смерти, — небольшой сверток одежды, чтобы согреться по пути в Германию. Вы видели, как приближались женщины со свертком, купленным на распродаже последних их домашних вещей. Никому не разрешалось подходить, чтобы отдать своему мужчине пару

теплых чулок или теплую куртку, так что мог быть какой-то шанс, что он дотянется туда. Они ушли!" Джон Х. Гейд в журнале "*Нэшнл Географик*", май 1917г.

Бельгийские женщины написали трогательное обращение министру Уитлок:

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БЕЛЬГИЙСКИХ ЖЕНЩИН.

"Brussels,

"November 18, 1916, 46 Rue de la Madeleine.

"Его Превосходительство мистер Брэнд Уитлок,

"Чрезвычайный и Полномочный министр Соединенных Штатов Америки.

"Господин министр:

"Из глубин нашего колодца страданий поднимается наша мольба к тебе.

"Обращаясь к вам, мы осуждаем ваше правительство, а также наших сестер, женщин нации, которую вы представляете среди нас, за преступное злоупотребление силой, жертвой которого является наш несчастный и незащищенный народ.

"С начала этой жестокой войны мы бессильно и с разрывающимися от горя сердцами смотрели на ужасные события, которые отбросили нашу цивилизацию назад, в эпоху варварских орд.

Нет и тени оправдания для депортаций.

"Господин министр, преступление, которое сейчас совершается на ваших глазах, а именно депортация тысяч мужчин, вынужденных работать на вражеской земле вопреки интересам своей страны, не может найти ни тени оправдания на основании военной необходимости, поскольку оно представляет собой насильственное нарушение священного права человеческой совести.

"Какими бы ни были мотивы, нельзя допустить, чтобы граждане могли быть вынуждены прямо или косвенно работать *на* врага *против* своих сражающихся братьев.

"Гагская конвенция закрепила этот принцип.

"Тем не менее, оккупирующая держава вынуждает тысячи людей к этой чудовищной крайности, которая противоречит морали и международному праву, как тех людей, которые уже были доставлены в Германию, так и тех, кого завтра постигнет та же участь, если извне, из нейтральной Европы и Соединенных Штатов, не будет предложена помощь.

Бельгийские женщины сдержали слезы.

-О! Бельгийские женщины также знали, как выполнить свой долг в час опасности; они не ослабили мужества солдат чести своими слезами.

"Они храбро отдали своей стране тех, кого любили. * * * Кровь матерей течет на полях сражений.

"Те, кого забирают сегодня, идут выполнять не славный долг. Это рабы в цепях, которые в мрачном изгнании, под угрозой голода, тюрьмы, смерти будут призваны выполнять самую отвратительную работу — служить врагу отечества.

"Матери не могут оставаться в стороне, когда происходит такая мерзость, без того, чтобы их голоса протеста не были услышаны.

"Они не думают о своих собственных страданиях, о своих моральных муках, о покинутости и нищете, в которые им предстоит попасть вместе со своими детьми.

Права чести и совести.

"Они обращаются к вам во имя неизменных прав чести и совести.

- Было сказано, что женщины - "всемогущие просительницы".

"Это высказывание уполномочило нас, господин министр, протянуть вам руки и обратиться к вашей стране с последним призывом.

"Мы надеемся, что, читая эти строки, вы почувствуете в каждом слове горестное биение сердец бельгийских женщин и найдете в своем широком и гуманном сочувствии настоятельные причины для вмешательства.

"Только объединенная воля нейтральных народов, энергично выраженная, может уравновесить волю германских властей.

"В этой помощи, которую нейтральные страны могут и, следовательно, должны нам оказать, будет ли отказано угнетенным бельгийцам?

- Будьте так добры, господин министр, примите слова нашего самого высокого уважения.

(Подписано рядом бельгийских женщин и 24 обществами.)

Правительство Соединенных Штатов не преминуло отреагировать на этот трогательный призыв и на другие обращения подобного характера. Американское посольство в Берлине незамедлительно обсудило животрепещущий вопрос о депортациях с канцлером и другими представителями правительства Германии. В беседе с заместителем государственного секретаря по иностранным делам г-ну Гроу было передано официальное заявление о планах Германии, которое в переводе звучит следующим образом:

НЕМЕЦКИЙ МЕМОРАНДУМ О БЕЛЬГИЙСКОЙ "БЕЗРАБОТИЦЕ".

Еще немецкий камуфляж.

"В отношении безработных в Бельгии, которые являются бременем для общественной благотворительности, во избежание возникающих из-за этого трений должны быть приняты принудительные меры по принуждению их к работе, если они не склонны работать добровольно, в соответствии с постановлением, изданным 15 мая 1916 года генерал-губернатором. Для установления личности таких лиц округу генерал-губернатора в Брюсселе требуется помощь муниципальных властей, в то время как в округах за пределами генерал-губернаторства, т.е. в провинциях Фландрия, у председателей местных комитетов помощи были запрошены списки, содержащие имена лиц, получающих помощь. В целях установления единообразной процедуры компетентным органам тем временем было поручено провести необходимые расследования в отношении таких лиц также во Фландрии

через муниципальные власти; более того, президенты местных комитетов помощи, которые могут быть задержаны за отказ предоставить такие списки, будут освобождены ".

Г-н Грю указал, что депортации были нарушением доверия и нанесли бы ущерб делу Германии за рубежом. В своем официальном резюме переговоров, которые он вел, он говорит:

Мистер Грю указывает, что Германия настраивает общественное мнение против себя.

Затем я подробно обсудил с заместителем государственного секретаря по иностранным делам неблагоприятное впечатление, которое это решение произведет за границей, напомнив ему, что меры в принципе противоречат заверениям, данным послу канцлером в Генеральном штабе прошлой весной, и остановился на том влиянии, которое эта политика может оказать на отношение Англии к работе по оказанию помощи в Бельгии. Я сказал, что понимаю, что эти меры были обнародованы исключительно военным правительством Бельгии, и что я считаю, что этот вопрос следует, по крайней мере, довести до личного внимания канцлера в свете последствий, которые повлечет за собой новая политика. Герр Циммерманн в ответ намекнул, что министерство иностранных дел имеет очень небольшое влияние на военные власти и что маловероятно, что новая политика в Бельгии может быть отменена. Однако в ответ на мой запрос он заявил, что не стал бы возражать против моей встречи с канцлером по этому вопросу".

Мистер Грю обращается к канцлеру

Соответственно, мистер Грю обсудил весь вопрос с канцлером и среди прочих аргументов настаивал на обещаниях, которые германское правительство торжественно дало бельгийскому гражданскому населению через барона фон Хьюна и барона фон дер Гольца. [Эти обязательства подробно изложены в письме кардинала Мерсье от 19 октября 1916 г., полностью процитированном на предыдущих страницах.] Г-н Грю счел невозможным убедить канцлера добиться отказа от политики депортаций и в связи с этим призвал изменить эту политику. Его официальное заявление об этом этапе переговоров звучит следующим образом:

"Пункты улучшения, которые я тогда предложил в качестве уступки бельгийским национальным чувствам и иностранному мнению, были следующими:

"1. Принимаются только фактические безработные, что предполагает более обдуманный и тщательный отбор.

"2. Женатых мужчин или глав семей брать не следует.

"3. Сотрудники Национального комитета не должны быть приняты.

и просит определенных уступок

"4. Списки безработных не должны требоваться от бельгийских властей, а должны определяться самими немецкими властями в качестве уступки бельгийским национальным чувствам, и бельгийцы, которые уже были заключены в тюрьму за отказ предоставить эти списки, освобождены.

"5. Депортированным лицам должно быть разрешено переписываться со своими семьями в Бельгии.

"6. Места работы или концентрационные лагеря депортированных лиц должны быть добровольно открыты германским правительством для осмотра нейтральными представителями.

"Несколько дней спустя граф Зех, адъютант канцлера, посетил меня и неофициально и устно передал мне следующие ответы на различные предложения, которые я сделал относительно уступок и улучшения положения:

но с небольшим успехом.

"1. Должны были приниматься только фактические безработные. Отбор должен был производиться тщательным и обдуманным образом.

"2. Женатые мужчины или главы семей в принципе не могут быть освобождены от ответственности, но каждый случай будет тщательно рассмотрен по существу.

"3. Служащие *Национального комитета* считаются фактически нанятыми и, следовательно, освобождаются.

"4. Важно, чтобы бельгийские власти сотрудничали с немецкими властями в предоставлении списков безработных, чтобы избежать ошибок. Только один бельгиец был заключен в тюрьму за отказ предоставить такие списки, и теперь были отданы приказы о его освобождении.

"5. Депортированным лицам будет разрешено переписываться со своими семьями в Бельгии.

"6. Места работы и концентрационные лагеря, в принципе, будут открыты для инспекции испанскими дипломатическими представителями.

"При желании американская инспекция также может быть организована неофициально.

"2 декабря министр в Брюсселе передал мне текст телеграммы, которую он отправил в Министерство 28 ноября, в которой говорилось, что он был воодушевлен сообщением о результатах моей беседы с канцлером". * * *

Телеграмма, на которую ссылается мистер Грю, была следующей:

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА УИТЛОКА От 28 ноября 1916 г.

Из Брюсселя через Гаагу, 28 ноября 1916 г..

"Государственному секретарю,
"Вашингтон.

Немцы депортируют квалифицированных бельгийских рабочих.

"Мы, естественно, воодушевлены телеграммами Грю, касающимися его бесед с канцлером. Вполне вероятно, что приказы [о смягчении суровости депортаций] еще не вступили в силу, поскольку набор бельгийских рабочих продолжается без различия между занятыми и безработными. Я получил достоверную информацию о том, что выбор осуществляется с

большой скоростью, что не оставляет времени на проверку. Мэр провинции Намюр представил список безработных в количестве ста человек. Практически никто из лиц из этого списка не был взят немцами в плен, но из того же района были взяты сотни работающих. По-видимому, выбор полностью основан на навыках и физической подготовке рабочих. Существует большой спрос на кузнецов и металлургов. Удостоверения личности Комиссии по оказанию помощи Бельгии, выданные мужчинам, работающим в Национальном комитете, пользовались уважением в Антверпене; девять человек, имевших их, были задержаны в Монсе; более тридцати - в Намюре и по несколько человек каждый день в различных частях страны. Однако более сорока тысяч человек заняты в различных отделах по оказанию чрезвычайной помощи, и это лишь небольшой процент. Достоверно известно, что в провинции Валансьен очень плохие условия и что туда было доставлено много мужчин. Они были без еды шестьдесят три часа и у них нет одеял. Очевидно, их лишили еды, чтобы заставить работать на немцев.

"Уитлок,

"американский министр.

Американскому министру и представителям других держав удалось добиться некоторого смягчения суровости депортаций. Министр Уитлок говорит:

ДОКЛАД МИНИСТРА УИТЛОКА (продолжение).

Нейтральным представителям разрешается требовать пересмотра особых дел.

"Мы, конечно, сделали все, что было в наших силах, чтобы улучшить условия, никоим образом не проявляя официального вмешательства. Я уже доложил в Департамент о беседах, которые у меня были с официальными лицами. Недавно я убедил Политический департамент просить нас доводить до их сведения любой случай вопиющей несправедливости, и на основании этого признания мы время от времени направляли немецким властям имена некоторых депортированных бельгийцев, которые работали на момент их ареста и, следовательно, не подпадали под действие установленного правительством Германии правила о депортации безработных. Другие нейтральные миссии в Брюсселе сделали то же самое, и работа приобрела настолько большие масштабы, что я боюсь, что они могут помешать достижению поставленных целей. Посольства Испании и Голландии организовали аналогичные бюро, и поступает так много просьб о репатриации, что я был вынужден снять комнаты в пустующем доме через дорогу от Посольства на улице Бельяр, чтобы продолжить работу. Необходимый персонал и расходные материалы для этой работы были предоставлены Национальным комитетом, который организовал центральное бюро, которое расследует все сообщения, полученные миссиями, с целью определить, соответствуют ли они высоким цифрам. упомянутые лица получали финансовую помощь после войны, а также для того, чтобы избежать дублирования в представлениях. Поскольку трудно делать исключения, я боюсь, как я уже говорил ранее, что сама масса этих запросов не позволит рассматривать их с какой-либо тщательностью. Насколько мы можем определить, около 100 000 человек были депортированы, и из них менее 2000 вернулись.

"Испанское представительство, которое из-за того факта, что Испании поручено защищать интересы Бельгии в Германии, претендует на приоритет в этом вопросе, * * * предъявляет требование о возвращении всех без исключения, кто подает заявление, и присылает около двухсот имен каждый день. Голландская дипломатическая миссия * * * пересылает каждый представленный запрос, и, в связи с тем фактом, что после падения Антверпена немецкие власти через правительство Нидерландов заверили бельгийских беженцев в Голландии, что они не будут депортированы, если вернутся в Бельгию, они принимают очень многих. Мне сказали, что они присылают более полутора тысяч писем каждый день. * * *

"У нас очень много запросов, и хотя мы стараемся не дискриминировать, мы стараемся выбирать наиболее заслуживающие рассмотрения случаи, хотя теперь, когда я написал эту фразу, мне становится немного стыдно за нее, потому что все случаи заслуживают рассмотрения.

Немцы редко позволяют депортированным бельгийцам получать продуктовые наборы.

"Ко мне поступили запросы от бургомистров десяти коммун Ла-Лувьера с просьбой получить разрешение на отправку депортированным мужчинам в Германию посылок с продуктами питания, аналогичных тем, которые отправляются военнопленным. До сих пор немецкие власти отказывались разрешать это, за исключением особых случаев, и возвращающиеся бельгийцы утверждают, что даже когда такие посылки получают, лагерные власти используют их только как еще одно средство принуждения их подписать трудовые соглашения.

"Говорят, что, несмотря на щедрую зарплату, обещанную тем, кто подпишет контракт добровольно, в Бельгии до сих пор не поступило денег от рабочих из Германии." (Заклучено на стр. 78.)

Американское правительство не удовлетворилось неофициальными рекомендациями правительству Германии, и 5 декабря 1916 года американский представитель в Берлине выразил официальный протест канцлеру Германии:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ АМЕРИКАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Торжественный протест Соединенных Штатов.

"Правительство Соединенных Штатов с величайшей озабоченностью и сожалением узнало о политике правительства Германии по депортации из Бельгии части гражданского населения в результате принуждения их к труду в Германии, и вынуждено в дружественном духе, но самым торжественным образом протестовать против этого действия, которое противоречит всем прецедентам и тем гуманным принципам международной практики, которые давно приняты и которым следуют цивилизованные нации при обращении с мирными жителями на завоеванной территории. Более того, правительство Соединенных Штатов убеждено, что последствия этой политики, если она будет продолжена, по всей вероятности, окажутся фатальными для работы по оказанию помощи Бельгии, столь гуманно спланированной и столь успешно проведенной, результат, который вызвал бы всеобщее сожаление и который, как предполагается, серьезно смутил бы правительство Германии".

Другие нейтральные страны поддерживают американский протест.

За этим протестом последовали протесты папы Римского, короля Испании, правительства Швейцарии и других нейтральных стран. Они не принесли никакой пользы, за исключением, возможно, того, что побудили немецкие власти еще плотнее прикрыть свои отвратительные действия. Но доказательства в какой-то мере появились, хотя полные факты не будут известны до освобождения героической Бельгии.

В газете *"Норддойче Альгемайне цайтунг"* от 2 декабря 1916 года появились следующие протесты, сделанные соответственно депутатом-социалистом Хаазе и депутатом Диттманном, членами рейхстага:

В РЕЙХСТАГЕ ЗВУЧАТ ПРОТЕСТЫ ПРОТИВ ДЕПОРТАЦИЙ.

"Тысячи рабочих на оккупированной территории были вынуждены к принудительному труду; мы искренне просим правительство вернуть этим рабочим их свободу, особенно в Бельгии. По правде говоря, мы [немцы] не находим сочувствия в нейтральных странах; даже папа Римский выразил протест против этой процедуры, и несколько нейтральных государств сделали то же самое. Сам здравый смысл требует, чтобы мы отказались от этой процедуры, которая, кроме того, противоречит Гаагской конвенции, с которой мы согласились".

"В противовес государственному секретарю я должен напомнить, что, когда ранее бельгийские рабочие, бежавшие в Голландию, вернулись в Бельгию, генерал-губернатор фон Биссинг пообещал, что эти бельгийские рабочие ни при каких обстоятельствах не будут депортированы в Германию. Это обнадеживающее обещание не было выполнено".

Интересное свидетельство посла Джерарда приводится в его недавней книге:

ПОКАЗАНИЯ ПОСЛА ДЖЕРАРДА.

Возмущение американцев депортациями.

"Президент [во время моего визита в Америку в 1916 году] внушил мне свой большой интерес к бельгийцам, депортированным в Германию. Действия Германии по обращению таким образом значительной части мужского населения Бельгии в фактическое рабство вызвали большое возмущение в Америке. Как сказал мне уважаемый кардинал Фарли за несколько дней до моего отъезда: "Вам нужно вернуться во времена мидян и персов, чтобы найти подобный пример того, как целый народ был обращен в рабство".

"Мистер Грю сделал представление по этому поводу канцлеру, и по возвращении я немедленно занялся этим вопросом.

Джерарду не разрешили посещать депортированных бельгийцев.

"Мне сообщили, что это была военная мера, что Людендорф опасался, что британцы прорвутся и захватят Бельгию, и что военные не предполагали иметь за спиной враждебно настроенное население, которое могло бы перерезать железнодорожные пути сообщения, телефоны и телеграфы, и что по этой причине было принято решение о депортации. Однако мне сказали, что мне будет дано разрешение посетить этих бельгийцев. Тем не менее,

пропуска, которые сами по себе делали возможным такое посещение, были доставлены только за несколько дней до моего отъезда из Германии.

Некоторые из них обращаются к нему.

"Нескольким из этих бельгийцев, которых отправили на работу в Берлин, удалось сбежать и приехать ко мне. Они рассказали мне душераздирающий рассказ о том, как их схватили в Бельгии и заставили работать в Германии над изготовлением боеприпасов, которые, вероятно, будут использованы против их собственных друзей.

"Я сказал канцлеру: "Бельгийцы заняты изготовлением снарядов вопреки всем правилам ведения войны и Гаагским конвенциям". Он сказал: "Я в это не верю". Я сказал: "Мой автомобиль у дверей. За четыре минуты я могу отвести вас туда, где тридцать бельгийцев работают над изготовлением раковин. Но он не нашел времени сходить.

"Американцы должны понимать, что немцы не остановятся ни перед чем, чтобы выиграть эту войну, и что единственное, что они уважают, - это силу". Джеймс У. Джерард, *Мои четыре года в Германии*, 1917, стр. 351-52.

Аналогичная точка зрения выражена в статье под названием "За победу" из венгерской газеты *Nepszava* из Будапешта (цитируется по К.Г. Оссианильссону, *Милитаризм в действии в Бельгии и Германии*, 1917, стр. 53-54).

МНЕНИЕ Венгрии О ДЕПОРТАЦИЯХ.

"Механическое мастерство, и особенно квалифицированное механическое мастерство, на данный момент является более важным фактором, чем обычно, и поскольку оно должно быть получено там, где его можно получить, Бельгии пришлось пострадать в соответствии со старой поговоркой, которая всегда актуальна: *Vae victis* (горе побежденным). В Польше техника и имеющееся там вооружение мобилизованы под "славными и удачливыми знаменами Польши"; в Бельгии - под "знаменем необходимости".

Немцы используют бельгийцев для военной работы.

"* * * Остается вопрос: для какой работы немцы будут использовать бельгийцев? * * * Любой вид работы в Германии - это военная работа, называется ли она сельскохозяйственной или промышленной. Поскольку депортированные бельгийцы не дали своего согласия, их использование противоречит международному праву, и политика немцев в Бельгии и Польше в равной степени заслуживает сожаления. Вместо того чтобы стремиться приблизить нас к миру, это служит озлоблению наших противников и разжиганию еще большей ненависти к нам среди нейтральных стран. Много раз и все чаще мы имели возможность наблюдать, что нейтральные страны проявляют больше симпатии к Бельгии, чем к любой другой воюющей стороне".

Бельгийцев все еще депортируют, сентябрь 1917 года.

В новостных сводках указывается, что депортация и принудительный труд бельгийцев все еще продолжаются. В депеше из Гавра (*New York Evening Post*, 13 сентября 1917 г.) говорится: "В соответствии с полученными здесь советами продолжается депортация гражданского населения Бельгии. Город Рулерс, расположенный непосредственно за линией фронта во Фландрии, был полностью эвакуирован. Остенде постепенно опустошается, и из Куртраи уже отправлено две тысячи человек". В другом сообщении из Гавра (*Washington Post*, 24 сентября

1917 г.) говорится, что "Немецкие военные власти в Брюгге, Бельгия, принудительно призывают всех мальчиков и мужчин этого города в возрасте от 14 до 60 лет для работы на заводах по производству боеприпасов и верфях. Богатых и бедных, лавочников и рабочих - всех забирают, спасаются только школьные учителя, врачи и священники".

ДОКЛАД МИНИСТРА УИТЛОКА (завершен).

Способность немцев совершать грубые ошибки.

"Остается отметить один интересный результат депортаций, результат, который еще раз подчеркивает способность немцев к грубым промахам, почти такую же большую, как способность немцев к жестокости. До начала депортаций не было сильной ненависти со стороны низших классов, то есть рабочих и крестьян. Старые немцы Ландштурма были расквартированы во фламандских домах; они и их обитатели говорили почти на одном языке; они неплохо чувствовали себя наедине с собой; они помогали женщинам в работе, бедные и скромные не испытывали ни малейшей патриотической ненависти, которая входит в число привилегий высших классов. Вполне возможно, что фламандское население могло существовать под властью Германии; оно было тевтонским по своему происхождению и всегда было настроено антифранцузски. Но теперь немцы все это изменили.

Немцев будут ненавидеть из поколения в поколение.

"Они нанесли смертельный удар любой перспективе, которая у них когда-либо могла быть, быть терпимой населением Фландрии; оторвав почти от каждого скромного дома в стране мужа и отца, сына и брата, они разожгли огонь ненависти, который никогда не погаснет; они вернули домой в каждое сердце страны таким образом, что его ужас неизгладимо запечатлется в памяти трех поколений, осознание того, что означают немецкие методы, не в пылу страсти и первой жажде войны, как в случае с ранними зверствами, но одним из тех способов, которые позволили им избежать войны. поступки, которые заставляют отчаиваться в будущем человеческой расы, поступок, хладнокровно спланированный, тщательно продуманный и сознательно и систематически выполняемый, поступок настолько жестокий, что, как говорят, немецкие солдаты плакали при его исполнении, и настолько чудовищный, что, как говорят, даже немецким офицерам теперь стыдно.

"Уитлок".

Зрелые выводы г-на Гувера о немецкой практике в Бельгии, которые он написал для этой брошюры, подкрепляют уже представленные подробные доказательства.

ВЫВОДЫ мистера ГУВЕРА.

Сентябрь 1917 года.

Ко мне часто обращались с просьбой изложить мои наблюдения за немецким правлением в Бельгии и Северной Франции.

У меня нет ни желания, ни достаточно пера, чтобы изобразить сцены, которые будоражили мою кровь на протяжении двух с половиной лет, которые я провел, работая на благо этих 10 000 000 человек.

Зверства бельгийцев - результат "системы".

Вид разрушенных домов и городов, овдовевших и сирот, обездоленных, физические страдания людей, которых в лучшем случае частично кормили, депортация мужчин десятками тысяч в рабство на немецких шахтах и фабриках, казни мужчин и женщин за ничтожные проявления преданности своей стране, разграбление всех ресурсов путем финансового грабежа, уничтожение армиями скудных продуктов страны, лишение страны крупного рогатого скота, лошадей и текстиля; все эти вещи, свидетелями которых нам пришлось быть, немymi, чтобы помочь иначе, чем протестом и сочувствием, — все это мы видели. в течение этого долгого и ужасного времени - и все же это не события пылкой битвы, а последствия скрежещающей пяты расы, требующей господства над миром.

Все это хорошо известно миру, но чего никогда нельзя узнать, так это немой агонии людей, невыразительных лиц миллионов, чьи души испытали всю гамму эмоций. И почему? Потому что они, свободные и демократические люди, осмелились бросить свои тела перед маршем автократии.

Я сам верю, что если мы не будем бороться сейчас, все это возможно для нас — но даже если широкая Атлантика докажет, что мы настоящие защитники, все равно есть Бельгия. Стоит ли нам жить в мире, где этот свободный и безобидный народ должен быть втопан в землю и не поднимать меч в знак протеста?

Герберт Гувер.

ФРАНЦИЯ.

Немецкая практика была одинаковой во всех оккупированных регионах.

Во Франции немецкая система принудительных работ и депортаций с сопутствующими ей бессердечием, жестокостью и ужасами была такой же, как и в Бельгии. Поскольку немецкая система в действии была адекватно проиллюстрирована на предыдущих страницах о Бельгии, в этой части будет достаточно просто показать реальную идентичность немецкой практики в двух оккупированных регионах. Это можно сделать на основе официальных документов и краткого изложения посла Джерарда. Душераздирающие подробности можно почерпнуть из множества свидетельских показаний, которые сопровождают ноту, адресованную французским правительством правительствам нейтральных держав 25 июля 1916 года. Они хранятся в Государственном департаменте и также были переведены вместе с официальными документами по делу о *Депортации женщин и девочек из Лилля*, Нью-Йорка, Дорана.

ВОЗЗВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА ЛИЛЛЯ.

"Позиция Англии все больше и больше затрудняет снабжение населения продовольствием.

"Чтобы уменьшить страдания, власти Германии недавно попросили добровольцев отправиться на работу в страну. Это предложение не имело того успеха, который ожидался.

Немецкая прокламация в Лилле, апрель 1916г.

"Вследствие этого жители будут депортированы по приказу и вывезены в страну. Депортированные лица будут отправлены в глубь оккупированной территории Франции, далеко за линию фронта, где они будут заняты на сельскохозяйственных работах, а не на каких-либо военных работах вообще. Благодаря этой мере им будет предоставлена возможность лучше обеспечивать свое существование.

"В случае необходимости провизию можно получить на немецких складах. Каждому депортированному лицу будет разрешено взять с собой 30 килограммов багажа (домашняя утварь, одежда и т.д.), который следует немедленно подготовить.

"Поэтому я приказываю, чтобы никто до дальнейших распоряжений не менял своего места жительства. Никто не может отсутствовать в своем заявленном законном месте жительства с 9 часов вечера до 6 часов утра (по немецкому времени), если у него нет разрешения надлежащей формы.

"Поскольку это бесповоротная мера, в интересах самого населения сохранять спокойствие и послушание.

"Комендант".

Лилль, апрель 1916 г..

УВЕДОМЛЕНИЕ РАЗОСЛАНО ПО ДОМАМ В ЛИЛЛЕ.

"Все обитатели дома, за исключением детей младше четырнадцати лет и их матерей, а также пожилых людей, должны подготовиться к транспортировке в течение полутора часов. Жителям Лилля дано 90 минут на подготовку к отъезду.

"Офицер будет определенно решать, какие люди будут отправлены в концентрационные лагеря. Для этого все обитатели дома должны собраться перед ним; в случае плохой погоды они могут оставаться в коридоре. Дверь дома должна оставаться открытой. Все протесты будут бесполезны. Ни один обитатель дома, даже тот, кого нельзя перевозить, не имеет права покидать дом до 8 часов утра по немецкому времени.

"Каждому человеку будет разрешено взять с собой 30 килограммов багажа; если чей-либо багаж превысит этот вес, все это будет отклонено без дальнейшего рассмотрения. Посылки должны быть составлены отдельно для каждого человека и содержать адрес, написанный разборчиво и прочно прикрепленный. На этом адресе должны быть указаны фамилия, имя отчество и номер удостоверения личности.

Должны иметь при себе кухонные принадлежности.

"Абсолютно необходимо, чтобы каждый человек в своих собственных интересах обеспечил себя посудой для еды и питья, а также шерстяным одеялом, хорошей обувью и нательным бельем. Каждый должен иметь при себе удостоверение личности. Любой, кто попытается уклониться от перевозки, будет безжалостно наказан.

"Этап-комендатура".

[Лилль, апрель 1916 г..]

ПРОТЕСТ ЕПИСКОПА ЛИЛЛЬСКОГО ЧАРОСТА, АДРЕСОВАННЫЙ ГЕНЕРАЛУ ФОН ГРЕВЕНИЦУ.

"Месье Генерал: Мой долг довести до вашего сведения тот факт, что среди населения царит крайне взволнованное настроение.

"Многочисленные перемещения женщин и девочек, определенные перемещения мужчин и молодежи и даже детей были осуществлены в округах Туркуэн и Рубе без судебной процедуры или судебного разбирательства.

Епископ протестует против депортаций.

"Несчастливые люди были отправлены неизвестно куда. В Лилле рассматриваются меры, столь же экстремальные и более масштабные. Вас не удивит, месье Генерал, что я ходатайствую перед вами во имя доверенной мне религиозной миссии. Эта миссия возлагает на меня бремя защиты с уважением, но мужественно, Международного права, которое закон войны никогда не должен нарушать, и той вечной морали, правила которой ничто не может нарушить. Это делает моим долгом защищать слабых и безоружных, которые для меня как моя семья, и чьи тяготы и печали принадлежат мне.

Взывает к человечности командира.

- Ты отец; ты знаешь, что в обществе нет права более почетного и святого, чем право семьи. Для каждого христианина неприкосновенность Бога, создавшего семью, придает ей значение. Немецкие офицеры, которые долгое время были расквартированы в наших домах, знают, как глубоко в наших сердцах мы, жители Севера, храним семейную привязанность и что для нас это самое приятное в жизни. Таким образом, расчленять семью, вырывая юношей и девушек из их домов, — это не война; для нас это пытки, и худшая из пыток - неограниченная моральная пытка.

"Нарушение семейных прав удваивается нарушением священных требований морали. Мораль подвергается опасностям, одна мысль о которых вызывает отвращение у каждого честного человека, из-за распущенности, которую методы депортации представляют опасность для морали. неизбежно сопровождается абсорбцией массово, с участием смешение полов, или, во всяком случае, лиц, очень неравных моральными качествами. Молодые девушки безупречной жизни, которые никогда не совершали ничего худшего, чем попытка купить немного хлеба или картошки, чтобы прокормить многочисленную семью, и которые, кроме того, заплатили легкое наказание за такое нарушение границы, были похищены. Их матери, которые так пристально следили за ними и не имели другой радости, кроме возможности держать своих дочерей рядом с собой, в отсутствие отца и сыновей, сражающихся или погибших на фронте, — эти матери теперь одни. Они приносят мне свое отчаяние и муку. Я говорю о том, что я видел и слышал. Я знаю, что вы непричастны к этим суровым мерам. Вы по натуре склонны к справедливости; вот почему я осмеливаюсь обратиться к вам; я прошу вас быть настолько любезными, чтобы без промедления переслать немецкому Высшему военному командованию это письмо от епископа, глубокое горе которого они легко могут себе представить. Мы много страдали за последние двадцать месяцев, но ни один удар судьбы не мог бы сравниться с этим; это было бы столь же незаслуженно, сколь и жестоко, и дало бы надежду на восстановление депортированных. во всей Франции неизгладимое впечатление. Я не могу поверить, что удар обрушится. Я

верю в человеческую совесть и сохраняю надежду, что юноши и девушки из респектабельных семей будут возвращены в свои дома в ответ на требование об их возвращении и что чувства справедливости и чести возобладают над всеми низменными соображениями.

- Алексис Арман,
-Епископ.

ОБРАЩЕНИЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ГРАЖДАН РУБЕ И ТУРКУЭНА К ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНЦИИ.

"Месье Раймону Пуанкаре,
"Президенту Французской Республики, Париж.

"Сэр, Мы имеем честь еще раз выразить вам нашу самую искреннюю благодарность за ваш самый любезный прием несколько дней назад депутации, которая с чувством законного волнения отправилась сообщить вам о депортации мальчиков и девочек, которую немецкие власти только что осуществили в захваченных районах.

"Мы собрали некоторые подробности по этому вопросу из уст уважаемого и заслуживающего доверия человека, которому удалось покинуть Туркуэн около десяти дней назад; мы считаем своим долгом довести эти подробности до вашего сведения, воспроизведя текстуально заявления, которые были нам сделаны:

"Эти депортации начались ближе к пасхе. Немцы объявили, что жителей Рубе, Туркуэна, Лилля и т.д. Собираются перевезти во французские районы, где им будет легче обеспечивать себя продовольствием.

Процедура депортации.

"Ночью, около двух часов ночи, целый район города был захвачен оккупационными войсками. Каждому дому было разослано печатное уведомление, точное воспроизведение которого мы приводим ниже с сохранением стиля и орфографии. [См. Второй документ выше.]

"Предупрежденные таким образом жители должны были быть готовы к отъезду через полтора часа после распространения прокламации.

"Каждая семья, выстроившаяся перед домом, была осмотрена офицером, который наугад указал на людей, которые должны были уйти. Никакие слова не могут выразить варварство этого действия или описать душераздирающие сцены, которые происходили; молодые люди и девушки поспешно попрощались со своими родителями — прощание, поспешное для немецких солдат, выполнявших печально известное задание, — присоединились к группе тех, кто уходил, и оказались посреди улицы, окруженные другими солдатами с примкнутыми штыками.

Иногда добросердечный офицер не мог выполнить жестокий приказ.

"Слезы отчаяния родителей и детей, столь безжалостно разлученных, не смягчили сердца жестоких немцев. Иногда, однако, более добросердечный офицер поддавался слишком сильному отчаянию и выбирал не всех людей, которых он должен был - по условиям своих инструкций — разлучить.

"Этих девушек и юношей доставляли в трамваях на фабрики, где их нумеровали и маркировали, как крупный рогатый скот, и группировали в автоколонны. На этих заводах они оставались по двенадцать, двадцать четыре или тридцать шесть часов, пока не был готов поезд для их вывоза.

"Депортация началась с деревень Ронк, Аллуэн и др., затем Туркуэн и Рубе. В городах немцы действовали по районам.

Числа депортированы.

"Говорят, что в общей сложности к настоящему времени было похищено около 30 000 человек. На выполнение этой чудовищной операции ушло от восьми до десяти дней. К сожалению, есть опасения, что вскоре это может начаться снова. Отправление происходило в товарных вагонах под звуки "Марсельезы".

"Причина, приведенная немецкими властями, носит гуманитарный (?) характер. Они выдвинули следующие предлоги: в крупных городах на севере и в их пригородах возникнут проблемы с продовольствием, тогда как в Арденнах прокормиться легко и дешево.

Молодые мужчины и девушки пребывали в "постыдной распущенности".

"От молодых людей и девушек, впоследствии отправленных обратно в свои семьи по состоянию здоровья, известно, что в департаменте Арденны жертвы содержатся ужасным образом, в постыдной распущенности; они вынуждены работать в полях. Излишне говорить, что жители наших городов не обучены такой работе. Немцы платят им 1,50 млн. Но есть жалобы на недостаточное питание.

"Их очень плохо приняли в Арденнах. Немцы сказали жителям Арденн, что это "добровольцы", которые едут на работу, и жители Арденн встретили их множеством оскорблений, которые прекратились только тогда, когда стало известно о насильственной депортации, жертвами которой они стали.

"В наших городах настроения были особенно сильны. Никогда еще не применялись столь жестокие меры. Немцы показали все варварство погонщиков рабов.

"Семьи, столь разрозненные, находятся в отчаянии, и моральный дух всего населения серьезно подорван. 14-летние мальчики, школьники в бриджах, девочки 15-16 лет были уведены, и отчаянные протесты их родителей не тронули сердца немецких офицеров или, скорее, палачей.

"Последняя деталь: депортированным таким образом лицам разрешается писать домой раз в месяц, то есть даже реже, чем военнопленным".

"Таковы заявления, которые мы собрали и которые, без комментариев, еще более поразительным образом подтверждают факты, которые мы взяли на себя смелость представить вам.

"Мы не хотим здесь касаться вопроса о снабжении в захваченных районах; другие, более квалифицированные, чем мы, предоставляют вам, как мы знаем, частую информацию. Нам достаточно в нескольких словах описать ситуацию с этой точки зрения:

"Снабжение очень затруднено; продовольствия, кроме того, что поставяет Испано-американский комитет, очень мало и оно ужасно дорого. * * * Люди голодны, а запасы

продовольствия недостаточно по меньшей мере наполовину; наше население страдает от постоянных лишений и заметно слабеет. Уровень смертности также значительно возрос.

Люди полагаются на нейтральные силы.

"Иногда жители захваченных территорий говорят с ноткой уныния, очевидно, восклицая: "Нас все бросили". Мы, с другой стороны, надеемся, господин Президент, что энергичное вмешательство нейтральных стран, которое, несомненно, вызовет французское правительство, вскоре положит конец этим мерам, которые вызывают гнев всех, для кого человечность - не пустой звук. * * *

"Со всей уверенностью в сочувствии правительства мы осмеливаемся обратиться с новым настоятельным призывом к вашей щедрой доброте и далеко идущему влиянию от имени тех, кто страдает, от имени всей страны".

(Подписано от имени различных указанных организаций Тулемондом, Шарлем Дроулерсом, Леоном Хатин-Дазеном и Луи Лортиуа.)

"Париж, 15 июня 1916 года, улица Тейбу, 3".

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОСЛА ДЖЕРАРДА.

Варварство депортаций.

"Похоже, что немцы пытались привлечь добровольцев из крупных промышленных городов Лилля, Рубе и Туркуэна для работы на этих полях; что после размещения объявлений о наборе добровольцев появилось только четырнадцать. Затем немцы отдали приказ захватить определенное количество жителей и отправить их на фермы в отдаленных районах для участия в сельскохозяйственных работах. Американцы рассказали мне, что этот приказ был выполнен с величайшим варварством; что человек приходил ночью домой и обнаруживал, что его жена или дети исчезли, и никто не мог сказать ему, куда они делись, за исключением того, что соседи рассказывали, что немецкие унтер-офицеры и шеренга солдат унесли их. Например, в доме зажиточного торговца, у которого было, возможно, две дочери пятнадцати и семнадцати лет и слуга-мужчина, две дочери и слуга были бы схвачены и отправлены вместе работать на немцев в какой-нибудь маленький фермерский дом, местонахождение которого родителям не разглашалось. Американцы сказали мне, что подобные вещи вызвали такое возмущение среди населения этих городов, что они опасались большого восстания и последующей резни и сожжения немцами.

Канцлер говорит, что военные власти отдали приказ о депортации.

В тот вечер за ужином я поговорил об этом с канцлером и сказал ему, что это кажется мне абсолютно возмутительным; и что, не посоветовавшись со своим правительством, я готов протестовать во имя человечности против продолжения такого обращения с гражданским населением оккупированной Франции. Канцлер сказал мне, что он не знал об этом, что это было результатом приказов, отданных военными, что он поговорит об этом с императором и что он надеется, что сможет остановить дальнейшие депортации. Я полагаю, что их остановили, но двадцать тысяч или больше человек, которых забрали из их домов, вернулись только спустя месяцы. В речи, которую я произнес в мае по возвращении в Америку, я сказал, что требуются совместные усилия Папы Римского, короля Испании и нашего президента, чтобы вернуть этих людей в их дома; и затем я увидел, что какое-то

немецкое агентство печати выступило со статьей, в которой говорилось, что я сделал ложные заявления по этому поводу, потому что эти люди не были возвращены в свои дома в результате заявлений Папы Римского, короля Испании и нашего Президента, но были отправлены обратно, потому что немцы больше не нуждались в них. Мне кажется, что это отрицание делает дело еще хуже, чем раньше". Джеймс У. Джерард, *Мои четыре года в Германии*, 1917, стр. 333-335.

Польша.

Систематическая эксплуатация человеческих страданий немецкими властями в Польше следовала общему плану, с которым читатель уже слишком хорошо знаком. Для подтверждения идентичности процедуры будет достаточно представить подробный отчет, специально написанный для этой брошюры мистером Фредериком К. Уолкоттом. Более полная и в некотором смысле более трогательная трактовка дана в его статье "Опустошенная Польша" в журнале *National Geographic* за май 1917 года.

ПОЛЬША И ПРУССКАЯ СИСТЕМА.

Сентябрь 1917 года.

Польша — русская Польша - гибнет. И немецкое верховное командование, проникнутое прусской системой, хладнокровно рассчитывает на нужды голодающего народа для достижения своих имперских целей.

Западная Польша, которая более ста лет была территорией Пруссии, разочаровывает Германию; ее народ упрямо остается поляками. На этот раз они предлагают более быстрые меры. По их расчетам, через два-три года, по милости голода и ужасов, Восточная Польша будет полностью превращена в немецкую провинцию.

Опустошение Польши.

Во время великого похода Гинденбурга год назад страна была полностью опустошена отступающей русской армией и наступающими немцами. Миллион человек были изгнаны из своих домов. Половина из них погибла на обочине дороги. Когда я увидел местность, дорога на многие мили была усеяна пропитанной грязью одеждой и костями, дочиستا обглоданными воронами, хотя более крупные кости были собраны бережливыми немцами для использования в качестве удобрения. Плетеные корзины — маленькая корзинка, в которой младенец качается на стропилах в каждом крестьянском доме, — были разбросаны по дороге, сотни и сотни, пока их невозможно было сосчитать, и каждая из них предвещала смерть.

Варшава, которая не была разрушена — когда-то гордый город с миллионным населением - была полностью разрушена. Тысячи бедняков выстроились вдоль улиц, прислонившись к зданиям, дрожа от снега и дождя, слишком слабые, чтобы поднять руку, умирающие от холода и голода. Хотя богатые отдавали все, что у них было, а бедные делились последним куском хлеба, они толпами умирали с голоду на улицах.

В пострадавшем городе немецкий губернатор Варшавы выпустил прокламацию. Всем трудоспособным полякам было предложено отправиться на работу в Германию. Если кто-нибудь откажется, пусть никакой другой поляк не дает ему есть, даже кусочка, под страхом наказания по немецким военным законам.

Политика истощения.

Это было больше, чем мог охватить разум. Мужьям и отцам распавшихся семей верховное командование отдало этот указ: оставьте ваши семьи голодать; если вы останетесь, мы позаботимся о том, чтобы вы действительно умерли от голода — это адресовано нервным, чувствительным, высокоорганизованным людям, это от властей страны, исповедующей цивилизацию и религию, миллионам братьев-христиан, находящихся в плену и умирающих от голода.

Страна будет пополняться немцами.

Генерал фон Криз, губернатор, был достаточно любезен, чтобы объяснить. Честно говоря, они предпочитали не так сильно голодать; это могло действовать немецким солдатам на нервы. Но, поскольку присутствует голод, это должно сработать на благо Германии. Воспользовавшись этим бедствием, рабочие Польши должны были быть вывезены; страна должна была быть пополнена немцами. Это была страна, в которой нуждалась Германия, — богатая аллювиальная почва, — более подходящая для немецкой экспансии, чем отдаленные владения. Если та ПОЛЬША, которая была, должна была погибнуть, тем лучше для Германии.

Уберите мужчин, дайте умереть молодым и слабым, привейте женщинам немецкие породы. Посмотрите, как это просто: с лукавой улыбкой генерал фон Крис заключил: "Мало-помалу мы должны вернуть Польше свободу. Очень хорошо; она снова появится как немецкая провинция".

Постепенно я начал понимать, что этой чудовищной, невероятной вещью была ПРУССКАЯ СИСТЕМА, намеренно выбранная кругом всевышнего и вбитая в немецкий народ до тех пор, пока она не стала частью его сознания.

Немецкий народ — это материал для построения государства, и ни для кого другого. Другие люди выступают за то, чтобы Германия работала над этим. Человечность, свобода, равенство, права других — все это глупые разговоры. Демократия, пустая мечта. Истинный пруссак живет только для того, чтобы Немецкое государство было могучим.

Немецкая система устрашения повсюду.

Все беды в длительном противостоянии с Германией являются частью прусской системы. Вторжение в Бельгию, депортации, голодная смерть покоренных народов, массовые убийства армян, зверства, ужас, потопление "Лузитании", ужасы подводных лодок, порабощение женщин — все это складывается в чудовищную картину. Права наций, права людей, жизнь и свободы всех людей подчинены немецкой цели господства над всем миром.

Фредерик К. Уолкотт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ЗАЯВЛЕНИЕ МИСТЕРА ВЕРНОНА КЕЛЛОГА, СЕНТЯБРЬ 1917г.

(Подготовлено для этой брошюры.)

Для меня было привилегией — и необходимостью — в связи с работой Комиссии по оказанию помощи в Бельгии провести несколько месяцев в Главном штабе немецких армий на западе, а позже провести еще несколько месяцев в Брюсселе в качестве директора Комиссии по Бельгии и оккупированной Франции. Это была вынужденная возможность увидеть кое-что из немецкой практики обращения с покоренным народом, часть которого (французы и жители бельгийских провинций Восточная и Западная Фландрия) находились под прямым контролем немецкого Генерального штаба и нескольких немецких армий на западе, а часть, жители семи других бельгийских провинций, - под квазигосударственным правительством генерал-губернатора фон Биссинга. Я не был на оккупированных территориях до июня 1915 года, и поэтому, конечно, не видел реального вторжения и захвата земли. Я видел только могилы - могилы убитых. об убитых и руинах их городов. Но за эти долгие, трудные месяцы я увидел слишком много для моего душевного спокойствия о том, как немцы обращались с несчастными, находившимися под их контролем после оккупации.

Было бы излишним снова описывать сцены в Лувене, Динане, Визе, Анденне, Тамине, Эршо и остальном длинном списке разрушенных бельгийских городов. Но слишком мало было сказано о множестве разрушенных деревень по всей оккупированной французской территории от Лилля на севере до Лонгви на юге и от восточной границы Франции до роковых траншей крайнего западного фронта.

Как главный представитель Комиссии, в мои обязанности входило неоднократно объезжать всю эту территорию в длительных автомобильных поездках в компании с немецким офицером, назначенным для моей охраны — и для защиты немецкой армии от излишнего внимания. Поскольку у меня была возможность также объехать большую часть Бельгии во время неоднократных поездок из Брюсселя в различные провинции, у меня обязательно была возможность сравнить разрушения, произведенные в двух регионах.

Я мог понять, почему некоторые города и деревни вдоль Мааса и вдоль линий отступления французов и англичан были сильно разрушены. В этих городах шли бои Городах, нетронутых войной, но разрушенных. и артиллерия сначала одной, а затем и другой стороны произвела опустошение в домах жителей. Но было много городов, в которых не было боевых действий, и все же слишком многие из этих городов также лежали в руинах. Это были не разрушения от снарядов, а разрушения от огня и взрывов. Были знаменитые "наказанные" города. Либо один гражданин, либо, возможно, двое или трое граждан стреляли из окна по захватчикам — или предполагалось, что стреляли. После этого квартал, или два, или три квартала, или половина города были методично и эффективно сожжены или разнесены на куски. В оккупированной Франции много таких "наказанных" городов. А между этими городами и вдоль дорог расположены бесчисленные изолированные фермерские дома, которые также находятся в руинах. Не утверждается, что из этих фермерских домов велась стрельба. Они были просто уничтожены по пути — и, можно сказать, между прочим. Когда список разрушенных деревень и фермерских домов в оккупированной Франции будет обнародован, мир снова будет потрясен этим свидетельством немецкой основательности.

Бессердечность немецкого правления.

Строгость контроля над жителями оккупированной французской территории почти непостижима. Линии, разграничивающие регионы, оккупированные различными немецкими армиями, являются линиями из непроходимой стали для жителей. Если член семьи в одном городе навещал друзей или родственников в другом городе, расположенном в нескольких километрах от него, в момент начала войны, эта семья оставалась разлученной на протяжении всех долгих месяцев, прошедших с тех пор. Никакие сообщения не могут передаваться иначе, как опасными подземными путями из города в город.

Реквизиция всего, от продуктов питания до мебели, от сельскохозяйственных животных до одеял и матрасов с кроватей, дошла до такой степени, что люди живут ни на чем, среди ничего. Эти реквизиции в прежние дни имели более или менее официальный вид, заключавшийся в том, что за взятые вещи выдавались *боны* квартирмейстера. Даже тогда немецкое чувство юмора слишком часто превращало *бон* в грубую шутку. Фальшивые квитанции на реквизированное имущество. *Боны* были написаны на немецком языке немецким шрифтом, неразборчивым и недоступным пониманию простых туземцев. *Бон* можно было дать за курицу, если это была пара лошадей, которых забрали. Но позже, когда эти шутки надоели немецким солдатам, реквизиция была упрощена за счет исключения *добрых* подношений. Там, где сельские жители и крестьяне пытались спасти что-то, что можно было закопать или спрятать, поиск этих жалких тайников превратился для немецких солдат в большую игру. Один изобретательный француз спрятал несколько бутылок отборного вина в знаменитой гробнице на высотах над Маасом. Но эти бутылки попали на специальные столы в Большой Штаб-квартире.

Весной 1916 года армейские власти разработали план депортации ряда мужчин и женщин из Лилля и близлежащих к нему промышленных городов в сельскохозяйственные районы южнее. Эти французы должны были работать в полях и помогать производить продовольствие для немецкой армии. На самом деле в основе этого плана было что рекомендовать.

Перенаселенность промышленно развитого северного региона сделала продовольственную проблему там очень сложной. У нашей Комиссии было больше испытаний в связи с обеспечением продовольствием большого города Лилля и небольших, но многолюдных городков Валансьена, Рубе и Туркуэна, чем на всей остальной оккупированной территории. Кроме того, у этих людей не было работы, поскольку огромные фабрики все еще работали. Приехать на юг и работать на открытом воздухе в полях, получая справедливый рацион, было бы реальным преимуществом для этих людей. Это также помогло бы решить проблему с поставками продовольствия в целом.

Но ужасные методы этой депортации были таковы, что мы, хотя и пытались придерживаться строгого нейтралитета, не могли не протестовать. Г-н Джерард, наш посол в Берлине, как раз во время этого протеста посетил Главную штаб-квартиру на западе, и этот вопрос был доведен до сведения некоторых высших офицеров в Штаб-квартире в тот же день визита г-на Джерарда и на его слушании. Так что он присоединил свой протест к протесту г-на Поланда, нашего директора в то время, и дальнейшие депортации были остановлены. Но ужасы депортаций. ужасное зло уже было совершено. Мужей и отцов забирали из их семей без единого слова прощания; сыновей и дочерей, на поддержку которых, возможно, полагались престарелые родители, забирали без жалости и явной мысли об ужасных последствиях. Великие депортации Бельгии потрясли мир. Но об этих меньших депортациях — то есть меньших по масштабам, но не менее жестоких по своему исполнению — почти ничего не известно.

Ни один американец не может не выступить против пруссачества.

Я вошел в Бельгию и оккупировал Францию нейтральным человеком и, находясь там, придерживался неизменно нейтрального поведения. Но я не стал нейтральным. Я не могу себе представить, что какой-либо американец, получивший опыт, подобный моему, мог бы выступить нейтрально. Он выходил, как и я, с неистребимым убеждением, что народу или правительству, которые могут делать то, что немцы делали и делают сегодня в Бельгии и Франции, нельзя позволить, если на земле есть сила, способная этому помешать, делать это ни на минуту дольше, чем можно было бы помочь. И им нельзя позволить когда-либо сделать это снова.

Цивилизация должна сокрушить прусскую систему.

Я тоже вошел ненавистником войны, а вышел еще более ярим ненавистником войны. Но, кроме того, я снова пришел к неистребимому убеждению, что единственный способ удержать Германию при ее нынешнем правлении и в ее нынешнем состоянии ума от того, что она сделала, - это силой оружия. Это не может быть предотвращено апелляцией, уступкой или международными договорами. Следовательно, как бы горячо я ни надеялся, что все войны прекратятся, я надеюсь, что эта война может не прекратиться до тех пор, пока Германия не поймет, что цивилизованный мир просто не допустит, чтобы такие ужасы, за которые Германия несет ответственность в Бельгии и Франции, были больше возможны.

Вернон Келлог.

Ваше правительство готово направить Вас

БЕСПЛАТНО

Любые две из перечисленных Здесь Брошюр с Отмеченными Исключениями

Комитет по общественной информации.

(Учрежден Указом Президента от 14 апреля 1917 г., Вашингтон, округ Колумбия)

Серия № 1. Информация о войне. (Красная, белая и синяя обложки.)

Номер по каталогу

1. Как война пришла в Америку.

Содержание: Краткое введение, в котором дается обзор политики Соединенных Штатов в отношении доктрины Монро, свободы морей и международного арбитража, рассмотрены и разъяснены тенденции нашей политики с августа 1914 года по апрель 1917 года;

Приложение: обращение президента к Сенату 22 января 1917 года, его военное послание Конгрессу 2 апреля 1917 года, его обращение ко Дню флага в Вашингтоне 14 июня 1917 года. 32 страницы. (Переводы: немецкий, польский, чешский, итальянский, испанский, шведский, португальский. 48 страниц.)

ПРИМЕЧАНИЕ.—Для номеров 2, 3 и 7, описанных ниже, требуется внести свой вклад, как указано выше. Все остальные буклеты бесплатны.

2. Справочник по национальному обслуживанию. (Цена 15 центов)

(Справочное пособие для библиотек, школ, клубов и других организаций.)

Содержание: Описание всех гражданских и военных организаций, прямо или косвенно связанных с работой на войне, с указанием того, как и где каждый человек может помочь. Карты, знаки различия армии и флота, схемы. 246 страниц.

3. Линия фронта демократии. (Цена 15 центов)

Содержание: Лучший сборник патриотической прозы и поэзии. Писатели и государственные деятели Америки и всех стран, ныне связанных с нами войной, выразили самые высокие чаяния своего народа. 134 Страницы. (Цена 15 центов.)

4. Речь президента в День флага с доказательствами планов Германии.

Содержание: Речь президента с фактами, на которые он ссылается, объясняется тщательно подобранными примечаниями, дающими доказательства немецких целей и интриг. В ЭТИХЗАМЕТКАХ ПРЕДСТАВЛЕН ОГРОМНЫЙ АРСЕНАЛ ФАКТОВ, собранных из оригинальных источников. 32 Страницы.

5. Завоевание и культура.

Содержание: Краткое введение с изложением военных целей Германии и указанием того, как были собраны доказательства; за ним следуют цитаты немецких авторов, раскрывающие планы и цели пангермании, одна глава полностью посвящена отношению Германии к Америке. Цитаты печатаются с заголовком или без комментариев, ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НАКАПЛИВАЮТСЯ СТРАНИЦА ЗА СТРАНИЦЕЙ, ГЛАВА ЗА ГЛАВОЙ. 160 страниц.